

ДРОЗД и малиновка

Марианна Красовская

Марианна Красовская

Маски. Книга 3.

Дрозд и малиновка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70054051

SelfPub; 2023

Аннотация

Мальва – Хозяйка Дивного Сада, закрытой и очень престижной школы для девочек. Она считает себя счастливой, ведь у неё есть деньги, любимая работа, нелюбимая дочь и вечная молодость. Но когда в зачарованном саду появляется раненый незнакомец, идеальная жизнь начинает рушиться, как песочный замок. Кто он? Как попал в школу? От кого прячется? И почему в его присутствии давно застывшее сердце начинает биться чаще?

Содержание

ЧАСТЬ 1. Дрозд в малиннике	4
2. Гюйдо	8
3. Странные дети	15
4. Дивный Сад	23
5. Гости	31
6. Новые знакомства	38
7. Чужак	48
8. Манеры	57
9. Школьные будни	66
10. Загадочный Кейташи	74
11. Разговоры	83
12. Кто опаснее	92
13. Песочный замок	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Марианна Красовская

Маски. Книга 3.

Дрозд и малиновка

ЧАСТЬ 1. Дрозд в малиннике

1. Пролог

День начался суматошно. Привезли двух новых девочек. Не сказать, чтобы проблемных, во всяком случае, одна была немного с кровью фэйри, но совсем не странная. Просто очень красивая. Я ее не взяла, мягко объяснив родителям, что школа моя переполнена. У меня только тридцать постелей для учениц. Больше я никого не беру.

А вторую домой отправить не смогла: по ее глазам было видно – она не справится самостоятельно. Пятый, ненужный ребёнок в семье, лишний, да ещё с врождённым уродством – хромоногая. Не забирай я ее, родители сдали б ее в бордель или продали в рабство. Такие у меня уже были, не чудные, не дивные, не странные: просто ненужные. Платили за них полную сумму, поэтому я брала. Не выкидывать же их, как котят на помойку. Была бы на месте лея Ши – она бы ругалась, но старушка как раз уехала в город за чем-то очень нужным.

Она и ругалась, но матрас ещё один нашла в кладовке. Потом купим и постель. Пока же я уступила девочке свою, сама перебравшись на жёсткий тюфяк.

Наверное, это глупо. Таких вот «никчемных» у меня теперь четверо. Каждая из них – удар по репутации школы, которая после первого выпуска взлетела до небес. Раньше у нас был маленький дом и всего шесть учениц. Теперь же – тридцать девочек, фанлой (*каменный дом буквой «п» с внутренним двором, обычно вымощенным камнем) в два этажа с садом вокруг, шесть учителей и три могущественные покровительницы. Четыре даже, но про последнюю чужие люди не знают, да и знать им этого не нужно.

И я вот уже восемнадцать лет Хозяйка Дивного сада – именно так называется наша школа. Потому что каждую девочку мы взращиваем как цветок.

Основательницей школы была лея Ши, старая оборотница. Да и школа когда-то была создана для оборотней, коих в Ильхонне не слишком любят, во всяком случае, в обычные школы их принимают со скрипом зубов. Да и учили тут когда-то лишь чтению, каллиграфии и законам – для того, чтобы юные оборотницы могли найти хоть какую-то работу в Ильхонне.

Я не ильхонка, я – гюйдо, круглоглазая демоница. Белокожая, рыжая и с зелёными глазами. Сначала мне было здесь, на островах, очень сложно из-за разреза глаз и цвета волос, а сейчас мне завидуют и подражают.

– Мальва, зачем нам лишняя ученица? – ворчит лея Ши. – Ты сама знаешь, что из неё не вырастет танцовщица.

– Из моей Мэйгут тоже невесть что вырастет, – привычно напоминаю я. – Боюсь, ничего хорошего.

– Твоя Мэйгут – дочь демона. А эта хромоножка... пу-стышка.

– Ну что ж, значит, нам нужно вырастить из неё доброго человека, а это тоже непросто.

Против такого аргумента матушка Ши возражений не нашла, только улыбнулась и нежно поправила мне ворот рубашки. Для неё, не привыкшей к прикосновениям, это высшее проявление заботы.

Девочка с узелком в руках, что следует за нами как безмолвная тень, почтительно замирает в нескольких шагах, пока мы с матушкой Ши беседуем. Конечно, она все слышит. Я уверена, что хромоножке сейчас страшно, больно и обидно, но это часть ее обучения. Здесь никто никому ничего не должен. Девочкам приходится тяжело трудиться. Да и учителя не ленимся: не так-то просто взрастить из тех крошечных ростков, что сюда привозят, дивный цветок с головокружительным ароматом.

– Тебя будут звать Лейзи (*цветок сливы, ильхон.), – равнодушно сообщаю я девочке. – Жить будешь с Молихо и Байше.

– Но я... – лепечет девчушка. – Меня зовут...

– Забудь, – мне ее жаль, но я холодна и непреклонна. – Ты

Лейзи, слива. Здесь у всех новые имена. – Ясно?

– Да, лея Мальва.

Что ж, она быстро соображает. Возможно, из неё выйдет толк, хотя пока я этого не вижу.

Но когда я впервые увидела страшную Гойренн, тогда я тоже не сразу поняла, какое сокровище попало к нам в руки.

© Марианна Красовская 2023

2. Гюйдо

Маленькая глупая Мальва с большим саквояжем в руках сошла с корабля в Шейнаре, то и дело оглядываясь. Ей было девятнадцать, она недавно закончила колледж-интернат и теперь считала себя очень опытной, смелой и умной.

Сейчас, спустя пятнадцать лет, я понимаю, насколько безрассудной была сама мысль плыть в чужую страну без денег и знакомств за женихом, которого отправили служить в посольстве Ранолевса в Ильхонне на пять лет. Лучше б я сидела дома, учила детишек иностранным языкам и вышивала себе приданое. Заодно бы накопила немного денег, это несложно, если живешь в интернате и питаешься там же. Тратить совсем не на что. А там, глядишь, и Ивген вернулся бы. А что уж было у него в Ильхонне, осталось бы за морем.

Впрочем, это я сейчас могу так хладнокровно рассуждать, а тогда я была юной и прекраснодушной девицей, уверенной, что невеста должна следовать за женихом в любые дали. Стоит признать, что Ивген старательно поддерживал во мне эту мысль, в письмах уверяя, что он отчаянно страдает и без меня, без своего цветочка, просто не сможет быть счастливым ни единого мгновения. К тому же он очень точно описывал своё местоположение, и найти его действительно оказалось совсем нетрудно.

Я думаю, он и в самом деле меня любил и даже собирался

жениться по возвращении.

Я же в то время совсем свихнулась от разлуки и одиночества. Это можно понять: я была сиротой, родители умерли от холеры, когда мне было шесть, я жила в интернате, где старательно училась и проявляла интерес и талант к иностранным языкам. Особенно хорошо мне давался ильхоннский. Именно благодаря своему эссе на этом языке я и познакомилась с Ивгеном. Нас обоих награждали за победу в конкурсе. Он писал стихи, я прозу. Мне было семнадцать, ему двадцать два. Никогда ещё в моей жизни я не видела так близко молодого мужчину, никогда не разговаривала с ним. Наша первая встреча закончилась сокрушительной ссорой, разумеется, на ильхоннском. Потом же он прислал мне букет цветов в качестве извинений и пригласил на прогулку...

Славное было время.

Неудивительно, что я очень быстро влюбилась в него по уши. Блестящий выпускник военного училища, красавец офицер, сирота, как и я – казалось, мы просто созданы друг для друга. А потом его отправили на пять лет в Ильхонн, а я спустя полгода рванула вслед за ним.

Совершенно не представляя, что я буду делать в чужой стране с незнакомыми обычаями, я надеялась, что отлично знания языка мне будет достаточно для того, чтобы найти какую-нибудь простую работу, вроде служанки или, может быть, портнихи (я неплохо шила, как и любая выпускница интерната). Но в душе я, конечно, мечтала работать с

детьми. Все преподаватели мне говорили, что у меня талант находить общий язык даже с самыми сложными и замкнутыми ученицами.

Итак, я сошла на пристань Ильхонна, восторженно крутя головой, не замечая ни грязи, ни нищих, ни шустро снующих малолетних оборванцев разного цвета кожи и разреза глаз. Все здесь было для меня в новинку. Какие дома! Из цветного камня, в два или этажа, с причудливо изогнутыми крышами, украшенными петухами и драконами, вдоль побережья стоящие вплотную друг к другу. Наверное, в шторм в их окна бьется соленая морская вода! Хотелось бы мне жить в одном из них! В голубом... или даже в красном, пожалуй!

В Ранолевсе дома были из серого камня, тоже высокие, с покатыми крышами (чтобы снег зимой на них не держался) и с маленькими окнами, а то и вовсе без них – так топить было проще, да и налог на окна никто платить не хотел. Здесь, видимо, о таком налоге и не слыхивали! И правильно, на островах гораздо теплее, чем у меня на родине, зимой тут и снег не всегда выпадает.

Я перехватила поудобнее свой саквояж, тщательно проговорила про себя путь в посольство Ранолевса и смело отправилась в путь. Одна, без проводника, решительно думая сэкономить на транспортных расходах. Ивген писал, что посольство находится всего в четверти часа быстрого шага от порта, незачем было тратить деньги, которых у меня совсем было немного, на рикшу или, что еще дороже, на конный

экипаж. Это для богатых. На мне были дорожные прочные ботинки, толстая юбка и теплый, подбитый шерстью камзол, в конце концов, я уплывала из едва только проклюнувшейся весны, на в Ильхонне было уже практически лето. Пот струился по моей спине, лоб и волосы под шляпкой взмокли, но я с усердием молодой лошадки, уже не разглядывая ничего вокруг, стремилась к первому моему ориентиру – портовому скверу. Ивген уверял меня, что это совершенно очаровательное место, где можно посидеть на лавочке, наслаждаясь буйным цветением местной флоры и мелодично журчащими струями фонтана. Именно там я и намеревалась снять камзол, повесить его на сгиб локтя и дальше двинуться налегке.

Небольшая круглая площадь, действительно, была прекрасна. Мраморный фонтан напевал нехитрые мелодии, повсюду буйным цветом цвели тюльпаны, гиацинты и какие-то еще незнакомые мне цветы, даже кусты вокруг одуряюще благоухали. Я поставила саквояж на лавочку, сняла, наконец-то, камзол и... с криками мимо меня пронеслась ватага босоногих ребятишек без головных уборов. Я шарахнулась в сторону, больно ушиблась бедром о лавку и тихо выругалась на ранолевском. Какая дикость! Куда смотрят городовые! Они не должны позволять оборванцам сшибать с ног честных леди! Решительно потянулась за саквояжем... и с ужасом обнаружила его отсутствие. Сперва я подумала, что он упал под лавку или улетел в кусты, задетый небрежной рукой, но нет. Его украли. Впору было разрыдаться в отча-

янии.

Но я ведь не для того проделала такой длинный путь, чтобы реветь и паниковать, тем более, деньги у меня были спрятаны под рубашкой, а в саквояже были лишь книги, письма и смена одежды. Все равно обидно, мне теперь не во что даже переодеться.

И все же я разревелась, слёзы сами хлынули из глаз. Подхватив камзол и крепко сжав его в руках (чтобы и последнее не потерять), я присела на мраморный бортик фонтана и намочила кончики пальцев холодной водой, намереваясь охладить пылающие щеки. Ой! В ответ на мое движение в воде зашевелились самые настоящие золотые рыбки величиной с ладонь! Видимо, им показалось, что в чашу фонтана упали крошки хлеба или какое-то другое лакомство. Заворожённая чудным зрелищем, я снова тронула воду. Слёзы как-то сами собой иссякли, губы невольно искривились в улыбке.

Ну и дура ты, Мальва Дархон! Тебя только что обокрали, а ты пялишься на глупых рыбок. Ещё неизвестно, у кого из вас больше мозгов!

– Эй, лея, лея! – раздался громовой голос за спиной. – Нет кормить рыб! Не трогать!

Отчего-то голос кричал по-ранолевски.

Я быстро оглянулась и невероятно обрадовалась, увидев городского. Ну, или кто тут был ответственный за соблюдение порядка на улице? Мужчина в форменном чёрном костюме (широкие штаны и куртка, ярко-оранжевый пояс, чер-

ная лента на лбу) был чистокровный ильхоннец: смуглый, с раскосыми глазами и круглым лицом. Я подскочила и зататорила на ильхонском:

– Достопочтенный лей, как хорошо, что вы появились, меня только что ограбили! Банда малолетних разбойников украла мой саквояж! Они убежали вон туда!

Если бы рыбки из фонтана заговорили человеческим голосом, мужчина, наверное, был бы удивлён меньше. Он отскочил в сторону, совершенно невежливо уставился мне в лицо, разглядывая так внимательно, словно ожидал найти знакомые черты. Тщетно! Даже при самом большом старании невозможно принять меня за ильхонку: кудрявые рыжие волосы, веснушки и зелёные глаза выдают во мне чужестранку. Ну и фигура тоже, я несколько крупнее и округлее местных жительниц.

– Лея разговаривает на ильхонском? – осторожно уточнил городской, вероятно, надеясь, что ему померещилось. – Лея попала в беду?

– Да, да! – нетерпеливо отвечала я. – Меня обокрали! Я только сегодня приплыла в Ильхонн и уже столкнулась с форменным безобразием!

Разумеется, я сказала как-то не так, но очень похоже. И именно тогда я услышала то самое слово, которое прилипло ко мне навечно: гюйдо. Круглоглазая. Нет, это не только про глаза, а ещё про то, что чужестранцы все как один глупы, невежественны и склонны вляпываться в неприятности.

Сейчас я с тем человеком согласна. Тогда я была настоящей гюйдо.

3. Странные дети

Дивный Сад отличается от ильхонских школ не только тем, что родители отдают сюда дочерей навсегда. За ними никто не придет через несколько лет, если, конечно, они не станут очень богатыми и известными. Родители заплатили деньги. Теперь их странные дочери – практически моя собственность.

Впрочем, такое практикуется в Ильхонне повсеместно, тут даже рабство не запрещено. Конечно, нет никаких рынков рабов и прочих ужасов, что были когда-то давно в Ранолевсе, но родители вполне могли продать своего ребёнка в слуги или даже в бордель, и это было совершенно законно. К счастью, меня это никаким образом не касалось. У меня было другое: я подписывала особый договор и как бы удочеряла всех этих девочек, ну, или становилась их опекуном. Я брала на себя обязательства их кормить, одевать и обучать – до самого совершеннолетия, которое здесь наступало для девушек в двадцать. Я могла потом их выдать замуж, оставить при школе или выгнать на улицу – но не раньше их двадцатилетия. Такие порядки царили во многих школах.

Но только у меня было строгое расписание, дисциплина и даже форма для воспитанниц. Я уже знаю, что ильхонцы очень уважают и ценят строгость и предсказуемость, но к детям относятся зачастую слишком безразлично. Не просит

есть, не болен – ну и ладно. Или наоборот, обожают до беспамятства, позволяя своему чаду любой каприз. И зачастую – все это одновременно.

Я долго не могла понять, почему так происходит, но потом догадалась. Ильхонцы очень трудолюбивы, они совершенно не сидят без дела. Матушка Ши, к примеру, каждую свободную от занятий минуту или копается в земле, или шьёт, или что-то моет-протирает-чистит. У родителей часто просто не хватает времени на своих детей. К тому же ильхонки очень плодовиты, рожают легко и часто. Обычно в семьях пять, шесть, а то и более детей. Чтобы их прокормить, работать нужно много. А если кто-то умрет, всегда можно родить нового.

В Ранолевсе в семьях чаще всего два или три ребёнка, не больше. Но у нас и место другое, не такое... пожалуй, благословенное.

Здесь же, несмотря на социальные проблемы, просто рай на земле. Все, что сажается в землю – растёт, цветёт и даёт урожай. Много солнца, обильные дожди, плодородная земля, отсутствие вредных гусениц и всякой пакости вроде кротов и землероек делает садоводство весьма успешным и прибыльным делом. А ещё тут совершенно нет мошкары и гнуса, что меня очень радует.

Несколько веков назад Ильхонские острова были обителью фэйри. Если в холодных и густых лесах Ниххона жили, в основном, екаи, злобные, жестокие и кровожадные, то в Иль-

хонне владычествовали куда более добродушные существа. Не сказать, что им было дело до людей, они всегда существовали сами по себе, но и откровенного вреда они никому не причиняли. А земля от их присутствия просто расцветала.

Разумеется, их тут звали вовсе не фэйри, а каким-то очень сложнопроизносимым словом. Даже я, прекрасно владеющая ильхонским, могу с трудом и заминками прочесть его по бумажке. Мне проще звать их на ранолевский манер – фэйри. Тем более, что в Ранолевсе фэйри – лишь сказка. А тут они реально существуют. У меня было немало возможностей в этом убедиться лично.

И, разумеется, кровь фэйри была во многих ильхонских детях. Чаще всего это было даже на пользу, даровало таланты и удивительную красоту, но бывали и сложности. Сложности были теперь моей работой.

Новенькая девочка... как ее там... Лейзи, да, была вовсе не проблемной. И даже не уродиной. Обычная совершенно ильхонка: невысокая, хрупкая, черноволосая, смуглая и с узкими глазами. Гармоничные черты лица, высокий упрямый лоб, нежный рисунок рта. Пожалуй, если бы не ее хромота, она выросла бы красавицей, но в Ильхонне слишком много идеальных людей с кровью фэйри, чтобы они относились снисходительно к чужим недостаткам. Нет, людей горбатых, косых, кривых (такие тоже были), да даже со сломанным носом или без зубов просто прятали с глаз. В дальние комнаты, в закрытые сады, в свинарники и конюшни.

Помню, каким для меня было шоком осознать, что в Ильхонне все вокруг – прекрасны.

Даже тот кинь (которого я ошибочно называла городовым, прибавляя к слову «город» личностный суффикс), был прекрасно сложен и на лицо вполне приятен. Жаль только, что характер у него был гораздо хуже внешности.

Вот если бы в Ранолевсе городской обнаружил плачущую на площади иностранку, вполне молодую и привлекательную, что бы он сделал? Грудь колесом, усы залихватски подкручены, иностранка утешена, мальчишки экстренно найдены (плох тот городской, который не знает, кто безобразит на вверенной ему территории, к тому же кому и в самом деле нужно мое белье? Ладно бы новое и дорогое, так ведь уже штопанное), девушка рукоплещет, театр ставит про умного городского пьесу, зрители сморкаются в платки, свадьба, дети и внуки...

Но ильхонский кинь меня просто высмеял, обозвал глупой гюйдо и практически силой (я порывалась опросить каждого мальчишку, которого встречала) отвёл в посольство Ранолевса, где потребовал разыскать Ивгена. Да, мне пришлось рассказать, зачем я вообще приехала в Ильхонн.

К чести моего жениха, он даже особо не ругался. Просто закатил глаза, вручил мне белоснежный платок – я снова разревелась, измученная, напуганная и уставшая – усадил меня в кресло и пообещал все решить. И решил. Где-то через час совместными усилиями посольства мне нашли жилье – ка-

морку под самой крышей без кухни и уборной, но зато в хорошем районе. Ивген накормил меня острым жареным рисом и уложил спать, выдав пару своих рубаш, пообещав все проблемы решить утром.

Но наутро я проснулась рано, умылась в тазу, с брезгливостью поискала, куда вылить содержимое ночной вазы (в Ранолевсе уже даже в бедных кварталах есть нормальные уборные с унитазами), не нашла. Оставила в комнате. В самом деле, не в окно же выливать? К счастью, потом мне показали, где находится задвижка, за которой скрывается канализационная труба, и я не успела окончательно разочароваться в благословенном Ильхонне. Все же мне здесь не грозило оказаться по душам из помоев, проходя слишком близко к чужим окнам.

В тот воистину чудесный день я умылась, надела ту самую тёплую двойную юбку, тяжелые зимние ботинки и шляпку (камзол оставила дома), пересчитала имеющуюся наличность, часть которой я предусмотрительно поменяла на ильхонские рюпы ещё в банке Ранолевса, и смело вышла навстречу приключениям. Сама. Одна.

Тогда я ещё не знала, что женщине, тем более, иностранке, лучше в одиночестве не гулять, это считается просто неприличным. От домогательств и скабрёзных намеков меня спасла, кажется, только шляпка и ярко-рыжие волосы, которые были здесь такой диковинкой, что люди только глазели, но подойти боялись, принимая меня за фэйри. На углу у чу-

мазого (и весьма хорошенького) мальчишки я купила за медный рюп газету с объявлениями, за два рюпа – кулёк мелкой жареной рыбёшки и полусырой хлебец у уличного торговца едой и, гордясь собой, вернулась в свою каморку, где с аппетитом позавтракала и принялась искать работу.

Первое же объявление гласило: «В частную школу леи Ши требуется помощница учителя. Проживание, питание за счёт школы, оплата договорная. Обращаться...» Как раз то, что мне нужно. Какая удача!

Не счесть, сколько раз я благодарила судьбу за то короткое объявление и за своё упрямство, позволившее мне отстоять право на самостоятельный труд! Появившийся ближе к полудню Ивген был категорически против того, чтобы я где-то работала, тем более, как он увидел по адресу, в дальнем пригороде. Он на полном серьёзе собирался меня содержать! Кстати, вещи мои он принёс с собой, все, кроме книг, саквояжа и летних туфель. Видимо, их уже успели сбыть, а на одежду покупателей не нашлось, потому что я несколько фигуристее местных дам.

Странно, что Ивген ещё не понял, какая я могу быть настырная – это после того, как я бросила все в Ранолевсе и приехала в Ильхонн! В конце концов он сдался и отвёз меня в школу леи Ши, в весьма живописный домик с закрытым садом в хорошем спокойном районе. Да, от посольства очень далеко, но уж точно не три недели на корабле. Лея Ши оказалась крошечной пожилой ильхонкой. Вначале я ей не по-

нравилась: рослая, толстая (по ее меркам, конечно), рыжая, но услышав мой отличный ильхонский и взглянув на рекомендательные письма (на них покупателя, к счастью, тоже не нашлось) она сменила гнев на милость и предложила попробовать. Меня приняли на работу на пару недель. Бесплатно, разумеется, за кров и еду. Я осмотрела предложенную комнату, обнаружила в доме приличную уборную и просторную кухню, прогулялась по великолепному саду и согласилась. Я была совершенно уверена, что справлюсь с работой, а лея Ши мне понравилась. Как ни странно, она понравилась и Ивгену, и он отправился на службу, пообещав привезти мои скудные вещи в ближайшее время.

С уродливой Гойренн я познакомилась в тот же день.

Строго говоря, она не была совсем уж ужасна. Просто ребёнку не повезло с чертами лица. Маленькие припухшие глазки, крупный нос, большой рот и упрямый подбородок делали ее похожей на грустную собачонку. Но проблема была даже не в этом. Как сказала лея Ши, девочка была неисправимой, просто ужасной лгуньей.

Помимо Гойренн, в школе жили ещё пять девочек: оборотница Майло, очень подвижная и крикливая малютка Ди, «пустышка» Вейко и близняшки Райраки и Айсай.

Матушка Ши принялась спрашивать, что я умею. При словах «арифметика» и «география» она поскуχνела, на предложение научить девочек эльзанскому и ранолевскому языку замахала крошечными ручками, и только слово «гим-

настика» ей понравилось. Итак, решили, что я буду вести уроки гимнастики, читать девушкам указанные матушкой книги и следить за чистоплотностью воспитанниц, а сама лея Ши будет учить их каллиграфии, манерам и танцам.

Все обязанности по дому (стирка, уборка, готовка) выполняли сами воспитанницы, поэтому нужды в других людях здесь больше не было.

4. Дивный Сад

Сейчас все по-другому. В школе нашей тридцать воспитанниц (теперь – тридцать одна), живут они в комнатах по два-три человека, только моя дочь живет со мной. Подъем в шесть утра, после этого – утренняя гимнастика, умывание и прочие процедуры ухода за собой. Некоторые девочки протирают лицо льдом, чтобы выглядеть свежее и румянее, некоторые успевают сделать маски и даже иногда массаж. В семь утра завтрак, довольно скромный, но вкусный. Его всегда готовит матушка Ши. Иногда это хлеб с маслом и вареньем, иногда яйца, иногда тонкие пресные лепешки с разнообразной начинкой). Потом – общие занятия.

После обеда (который тоже готовит матушка Ши, или я, или кто-то из свободных учителей) у девушек занятия индивидуальные. Некоторые танцуют, некоторые рисуют, а кто-то готовит ужин или моет полы – в наказание за дурные поступки или просто по расписанию.

Учатся всякому: и арифметике, и географии, и иностранным языкам. Есть даже свой учитель боевых искусств, сухонький ильхонец лет ста на вид. Но видели бы вы, как высоко он прыгает и как ловко бьет ногами по мешку с песком! Он занимается со всеми сразу – девушка в нынешнем мире должна уметь себя защищать, ведь замуж выйдет далеко не каждая. И отдельно тренирует трёх полу-оборотниц и мое-

го приемного сына Тайхана. Тот – чистый оборотень. Единственный мальчик в нашем цветнике. Совсем скоро ему исполнится двадцать, и он покинет эту тихую обитель. Я жду этого момента с тоской и нетерпением. Крови мне этот волчонок попортил немало, причём во всех смыслах. В детстве он постоянно кусался. Зато сейчас это высокий и обаятельный юноша, всегда готовый помочь по хозяйству. Однако при всей своей улыбчивости, Тайхан очень скрытный, я до сих пор не знаю, какие у него планы на взрослую жизнь: или он будет искать своих настоящих родителей, или отправиться в путешествие, или вовсе подастся в императорскую стражу. В любом случае, он покинет Дивный Сад и перестанет будоражить воображение наших воспитанниц, большая часть которых в него, конечно, влюблены. Счастье ещё, что он чистокровный оборотень и пару выбирает раз в жизни. Мы же – его стая, а отношений внутри стаи оборотни не заводят. Наверное. Я на это надеюсь. С этим засранцем ни в чем нельзя быть уверенной. Впрочем, от ильхонок никто не требует телесной невинности, более того, она даже осуждается, ведь она привлекает многих фэйри. Единственное исключение – девушки, которые планируют карьеру кайто, то есть куртизанки. К счастью, такая в Дивном Саде только одна: моя дочь.

Ах, сколько слез я пролила, сколько проклятий прокричала в ночь, когда поняла, что моя любимая Мэйгут – демонница! Был момент, когда я хотела ее убить, утопить в колодце,

придушить подушкой, но матушка Ши не позволила. Надавала мне по щекам, отобрала ребенка и вызвала мне лекаря, который долго заставлял меня пить горькие пилюли, от которых мне хотелось только спать...

Я ведь уже говорила, что девственницы крайне привлекательны для фэйри?

Ну конечно, я была девственна, я ведь родилась и выросла в Ранолевсе! Ивген не спешил переводить наши отношения на новый уровень, да я бы и не позволила до свадьбы, а жениться он не спешил. Да и я, честно говоря, не настаивала. Уж очень мне нравилась жизнь у матушки Ши. Мы с ней подружились быстро, она мне заменила родителей, которых я давно потеряла. Я устраивалась помощницей учителя, а вышло так, что сама стала почти что воспитанницей школы. Мне было девятнадцать, а девочкам, что там учились – шестнадцать-семнадцать лет. Мои ровесницы! Наверное, именно поэтому мы быстро нашли общий язык.

С оборотницей Майло было все понятно. Ей была уготована карьера в охране Императрицы. Очень быстрая, невероятно ловкая и сильная, Майло отлично владела всеми видами оружия, что использовались в Ильхонне. Для неё одной нанят был учитель, бывший императорский воин. Я убедила матушку Ши, что для службы при императорском дворце знание иностранных языков просто необходимо, ведь можно же услышать много интересного от иностранных гостей! И мне позволили учить Майло ранолевскому и эльзанскому, а

вскоре к занятиям присоединились и все остальные девушки. Не то я и вправду – хороший учитель, не то кровь фэйри даёт не только красоту и таланты, но спустя три года все ученицы худо-бедно разговаривали на трёх языках, а уродливая Гойренн и вовсе трещала вовсю, как сорока. Она вообще без конца болтала, за что ее лея Ши остро недолюбливала.

А ведь именно Гойренн потом подарила нам большой новый дом с огромным волшебным садом вокруг!

В нашем интернате учителя всегда говорили, что каждому человеку боги отмеряли немало талантов, и нужно просто их найти. Поглядите, что больше всего любит ребёнок, и придумайте, как это обратить в нужное русло.

Я начала приглядываться к Гойренн с первого же дня и быстро поняла, почему ее называют вруньюй. Каких только сказок она не выдумывала! То ее пряжу спутали крошечные цветочные феи, то всю ночь екаи были у неё над ухом, мешая спать, то крысы, превратившись в маленьких человечков, испачкали обратно вымытую посуду, а потом насыпали золы в рис! Помню, как меня поразило то, как складно она врет: словно все это было на самом деле! Я даже оставила в своей комнате пряжу, ожидая увидеть ночью тех самых цветочных фей!

И я рискнула. Убедила лею Ши нанять специально для Гойренн учителя, который бы научил ее петь и читать стихи, который помог бы ей овладеть своим голосом так, чтобы завораживать слушателя. Правда, пришлось пообещать рабо-

тать несколько месяцев бесплатно, но клянусь, оно того стоило!

Спустя год мы собрали в нашем маленьком домике почетных гостей на особую чайную церемонию. В одном из темных углов комнаты сидела закутанная в полупрозрачные покрывала молодая девушка. Лица ее не было видно, только блестящие чёрные глаза (Гойренн отчаянно волновалась и едва не плакала от страха). Гостям наши девочки налили чая... а потом они услышали дивную сказку про девочку Янголь и ее ручного лиса. Мы нарочно взяли всем известную легенду, чтобы никого не смущать, но рассказала ее Гойренн складно и совершенно по-новому. Гости были в восторге и просили ещё. И тогда Гойренн рискнула и ответила, что знает историй столько же, сколько звёзд на небе, сколько песчинок на морском побережье, сколько бабочек в дивном лесу... Ей не поверили, потребовали доказательств, просили рассказать сказку о цветах, о фэйри, о русалках и о крылатых лошадях... И она рассказывала до самого утра, пока окончательно не охрипла. Разумеется, все сказки она выдумывала на ходу.

Через неделю Гойренн пригласили в гости в один из почетных домов. Матушка Ши назвала очень высокую цену. Мы с ней долго ругались, Гойренн даже плакала, уверенная, что ее талант столько не стоит... И верно, ее не позвали больше в тот дом, но вскорости пригласили в более богатый, и заплатили столько, сколько матушка желала. И с того дня на-

чалась у нас в школе совсем другая жизнь.

Во-первых, мне было назначено, наконец-то, жалование. Во-вторых, мы смогли позволить себе приходящую служанку. В-третьих, матушка спросила моего совета, как лучше учить «пустышку» Вейко, которая совершенно не имела ни характера, ни своего мнения, со всем покорно соглашалась и никогда не спорила. Лея Ши растила из неё добрую жену, но вдруг я придумала бы что-то интересное? Я тогда блестяще справилась и с этой задачей.

Гойренн стала известна по всему Ильхонну как великолепная сказительница. Ее звали выступать даже в императорский дворец. Очень быстро она вышла замуж, и, поговаривали, очень удачно. Муж ее был слаб зрением, но красив лицом, и детки пошли в него. Сейчас, спустя много лет, у неё свой чайный дом в столице, а один вечер ее сказок стоит немислимых денег.

Именно она, помня, кому обязана своим взлетом, купила старый большой дом возле самого Дивного леса и участок земли, обнесла его высоким забором и подарила мне. Не матушке Ши, а мне, гюйдо. Впрочем, после того успешного выпуска матушка Ши передала школу в мои руки, сама оставшись лишь помощницей и наставницей.

Дивный лес издревле принадлежал чистокровным фэйри. Когда-то их было там очень много, но теперь они почти все исчезли. Вымерли, ушли, смешались с людьми – кто знает, что произошло за двести лет...

Моей огромной ошибкой было думать, что высокий каменный забор оградит меня от опасности. А ещё я никогда не видела чистокровных фэйри, только их потомков, и потому нисколько не была осторожна.

А сам участок леса, что был теперь в моей собственности, настолько меня восхитил, что я целыми днями гуляла там, мечтая о том, что найму садовников, и через пару лет тут будет дивный сад. Школу нашу так мы и называли с матушкой Ши – Дивный Сад.

Фэйри бывают разные. Некоторые вполне дружелюбны и даже не в меру общительны, как, например, русалки. На ильхонском их называют мэйренни-айдро, это очень длинно и неудобно, поэтому невольную обитательницу моего сада я называю русалкой или коротким «Рене».

Обнаружила я ее (или она меня) во время одной из первых прогулок. Испугалась я ее до икоты, убежала, потом долго искала хоть что-то про подобную нечисть в книгах. В Ранолевсе сказывали, что русалки – это неупокоенные духи утопленников, что они жрут людей и домашний скот. В Ниххоне русалок не было, были похожие на них ёкаи, обитающие в лесных озёрах и утаскивающие на дно заплутавших путников. Словом, от обитательницы маленького, но очень красивого озера я не ждала ничего хорошего. Очень выручил меня в тот день старый Пако, наш учитель боя, некогда – воин, повидавший, кажется, все на свете. Мы с матушкой забрали его с собой в новую школу, а он и рад был: жить в теплом

большом доме в окружении юных красавиц – разве можно представить себе более отрадную старость? Ах, как он смеялся над моими страхами!

Оказалось, что в Ильхонне русалки были одним из самых добрых и полезных фэйри. Они умели исцелять, плели из жемчуга волшебные ожерелья, пели прекрасные песни. Единственное, что могло напугать человека – они были хищницами и страстно любили мясо, лучше всего, жареное. Меня это несколько не смутило, я и сама мясо весьма уважала, поэтому вооружившись корзиной с продуктами, я вновь отправилась к тому самому озеру.

Так вот, легенды вралли. Русалки, помимо мяса, очень любят хлеб, и рис, и сыр. Сыр просто обожают!

– Ладно, так и быть, оставайся в моих владениях, – мило-стиво позволила мне осоловевшая от обильной пищи Рене. – Только раз в неделю обязательно приноси мне вот этого сыра. И мяса. И риса. И приходи поболтать, скучно тут стало, гости у меня бывают очень редко. А ещё, если кто-то сильно заболел, приводи, я его съем, чтобы он не страдал. Ой, да пошутила я, ну что ты пугаешься! Помогу, если сумею. Но мясо и сыр приноси обязательно.

5. Гости

В новую школу каждую неделю привозили новых девочек. Кому-то было уже тринадцать, кому-то пять-шесть. После того, как имя матушки Ши (а заодно и мое) последний выпуск прославил на весь Ильхонн, нам не приходилось давать какие-то объявления в газетах или напоминать о себе хозяйкам чайных домов. Желающих заплатить за будущее своих дочерей было хоть отбавляй. Теперь уже мы выбирали себе учениц. Без сомнений брали всех оборотней, и волков, и лис, и даже тигриц... ну ладно, только одну тигрицу, они – огромная редкость. С прочими были осторожны, памятуя о репутации. Матушка выбирала с явной примесью крови фэйри, я же жалела всех. К счастью (или к сожалению, кто знает), малообеспеченные люди не могли позволить себе оплатить обучение, лея Ши никогда не замечена была в благотворительности и брала только тех, за кого вносили плату, всю разом или за ближайший год. Какое-то время нам пытались подкидывать младенцев, но матушка безжалостно относилась их в приют, приговаривая, что школа – всего лишь работа, и негоже превращать престижное заведение в сиротский дом для нищеты. Я была ей благодарна, что она делала это сама, не советуясь со мной. Но все же я ухитрилась забрать себе бесплатно двух девочек, одну – потому что увидела в ней особую грацию, присущую лишь танцовщицам,

а вторую просто пожалела. На ее руках и ногах были знакомые мне по интернату синяки, которые могла оставить лишь палка. Матушке я потом клялась, что эта девочка будет у нас не ученицей, а служанкой, все лучше, чем однажды родители забьют ее до смерти. Разумеется, девочка потом училась вместе со всеми, хотя и жила на кухне, и после этого меня просто не пускали к приезжающим с дочерьми гостям.

А потом я нашла у ворот щенка с перебитыми задними лапами. Видимо, кто-то вытаращил его из капкана, а потом бросил у нашего забора. Зачем? Надеялся, что мы его добьём? Или будем кормить заведомо бесполезного зверя?

Я была молода и жалостлива, я уложила несчастное животное на подушку и понесла его русалке, с которой уже подружилась. Не сможет ли она исцелить щенка?

– Ты безумна? – первым делом спросила меня Рене. – Надышалась пыльцы безвременника? Накурилась опиума? Зачем ты принесла мне щенка дикого волка-оборотня?

– Чтобы ты его сожрала, – мрачно ответила я, ощущая себя полной дурой.

Стало понятно, почему щенок показался мне странным, но я решила, что это какая-то незнакомая порода. Дикий оборотень! Ну конечно, только они рожают детей в зверином обличье! А человеком впервые оборачивается щенок года в два-три. Наверное, это мудро. Волчата куда более приспособлены к жизни, чем новорождённые младенцы.

– Да не буду я его жрать! – возмутилась Рене. – Я не ем

сырое мясо, к тому же пахнущее человечиною! К тому же я сыта... Ко мне недавно приезжал брат с друзьями. Ладно, я его вылечу... но ты должна будешь отнести его в лес. Диким оборотням не место в человеческом доме.

Я тактично промолчала, вспоминая известную историю императрицы Янголь и ее дикого лиса. Впрочем, мне и в самом деле не нужен в школе ещё один рот. И, совершенно не обратив внимания на слова русалки про брата и друзей, я с легким сердцем пошла домой. Рене часто мне рассказывала про своих родичей. Я, признаться, думала, что она сочиняет. Ни разу в саду не появлялся никто чужой, даже следов никаких не было ни на дорожках, ни на полянках.

А что было дальше, я помню смутно.

Сначала мимо меня пронеслось стадо оленей с великолепными рогами. Я едва успела отскочить в сторону, изумляясь: как эти прекрасные звери проникли за высокий забор? Неужели перепрыгнули? А потом один из оленей вернулся назад. На нем верхом сидел мужчина. Я совсем его не помню, только удивительной красоты чёрные глаза иногда сняты мне по ночам. Он спешил и приблизился ко мне. Я оцепенела.

– Красивая, – сказал он. – Вкусная. Пойдёшь со мной?
И протянул мне руку.

Я пошла, очарованная, околдованная, замороженная. Куда? Не знаю. Зачем? Не ведаю.

Очнулась я уже ночью, голая и в лесу. Судя по обрывкам

воспоминаний и крови на бёдрах, было совершенно понятно, чем мы занимались с... с этим существом все это время. Как потом оказалось, день, ночь и ещё день. И я совершенно точно знала, что он не брал меня силой. Я кричала, и плакала, и стонала отнюдь не от боли.

Меня искали и нашли весьма далеко от Дивного Сада. Ма-тушка Ши заплатила немалые деньги, чтобы об этом инциденте никто не узнал. А старик Пако, качая головой, сказал тогда, что брат у русалки – Гарманион, дух страсти и телесной любви. Редко когда он обращает внимание на смертных, но если уж приметил кого – уйти от него невозможно. Его магии не может противостоять ни одна смертная.

В истерике я побежала к русалке и накинулась на неё с обвинениями. Она долго слушала меня с недовольным лицом, а потом плеснула в меня холодной водой и приказала замолчать. Тут-то я и узнала, что у неё тоже есть магия. Ослушаться я не смогла.

– Успокойся и прекрати реветь, ничего страшного не случилось, – сурово сказала Рене. – Подумаешь, пара дней в объятиях моего братца! Тебе крупно повезло, я считаю. Во-первых, ты больше никогда не сможешь полюбить простого смертного, это хорошо. Всегда с трезвой головой. Во-вторых, ни один из наших тебя больше не тронет. Никогда. Гарманиону я, конечно, передам, чтобы он никого тут больше не трогал... но я его понимаю. Ты потрясающе красивая. Эти волосы, веснушки, золотые ресницы... этот запах невинно-

сти... он не устоял. Впрочем, даже и не пытался. Для него это все естественно. Он так получает энергию. Считай, что ты для него – лишь пища.

Я протестующе замычала, но «плюсы» еще не закончились.

– А если ты от него понесла, то и вовсе великолепно! Ро-дишь дивное дитя, а сама будешь жить долго-долго и стареть не будешь. Разве это не великолепно? Отчего ты снова пла-чешь, глупая, радуйся! Люди мечтают о вечной молодости, а к тебе она пришла сама!

Я же рыдала и не могла успокоиться. Насилие всегда оста-нется насилием, даже если оно принесло удовольствие!

Рене оказалась права во всем. С того дня я словно разу-чилась любить, стала холодной и бесчувственной. И еще я понесла. И мне пришлось объясняться с Ивгеном. В восторг он, разумеется, не пришёл.

Как и я, он всем сердцем полюбил Ильхонн и все вообще говорил о том, что хотел бы здесь остаться надолго. Тем бо-лее, его невеста теперь вполне обеспеченная женщина и смо-жет содержать обоих. Шутил, конечно, но про свадьбу заго-варивал все чаще. Срок его службы подходил к концу, он изо всех сил искал новую работу и вот, примчался ко мне с охап-кой цветов (в моем саду они красивее) и добрым известием: ему предложили сразу две должности. Одна – в дипломати-ческом крыле Императорского дворца переводчиком, дру-гая – в местном посольстве офицером. Я думаю, во многом

ему помогла привлекательная внешность. Будь он коротконог, или лыс, или сутул, никогда не оставили б его в Ильхонне. Но теперь он метался по комнате, заламывая руки и хохоча, и рассказывал, что ради меня он откажется от службы Императору, ведь у меня школа, не могу же я ее бросить и уехать в столицу?

А я смотрела на этого статного кудрявого молодого человека и совершенно ничего не ощущала, только горечь и разочарование. Я приехала в Ильхонн более четырёх лет назад. У него было так много времени на то, чтобы сделать меня женой, и тогда бы меня не тронул этот проклятый Гарманион, и мне не пришлось бы выбирать слова и мучиться от того, что я внезапно разлюбила своего жениха. Наверное, я разозлилась тогда и оборвала его пламенную речь одной сухой фразой:

– Я беременна.

Он словно налетел на невидимую стену. Замер нелепо с воздетыми руками и приоткрытым ртом, удивленно и даже обиженно на меня посмотрел. Мне было его нисколько не жалко. Мне было жаль только себя.

– То есть как? От кого?

Сухо и коротко я ему рассказала обо всем. Клянусь, если бы он мне поверил, если бы поддержал, я бы стала ему самой верной и ласковой женой! Пусть я его не любила, но заботиться о своём муже могла и хотела. Но я видела по его лицу: он не верил. Он, верно, вообразил меня в объятиях другого,

подумал, что я вру, чтобы оправдать себя.

Ивген сказал, что мы не можем больше быть вместе. Что на хороших, честных женщин никакие демоны не нападают. Наверное, я сама виновата во всем. Что ж, вероятно, так оно и было. Никто не привёз меня в Ильхонн силой. Никто не заставлял устраиваться на работу, а потом бродить в одиночестве по Дивному Саду. Ну и в конце концов, я всегда могла поставить Ивгену условие, что хочу замуж немедленно, прямо через неделю. Не думаю, что он особо сопротивлялся бы. Но мне нравилась моя работа, нравились воспитанницы, нравилась свобода и независимость, а теперь, похоже, я останусь свободной навсегда.

Как там сказала Рене? Никогда больше мне не полюбить обычного человека? Значит, не быть мне ничьей женой. Ну и ладно. Теперь мне это и не нужно.

6. Новые знакомства

С того дня прошло уже много лет. Шестнадцать, если быть точной. Стало быть, мне уже сорок, а моему единственному ребёнку – пятнадцать лет. Рене не обманула: выгляжу я очень молодо, лет на двадцать пять, а то и меньше. Время не властно надо мною.

Впрочем, ильхонцы тоже поголовно долгожители. Матушке Ши уже за восемьдесят, а она порхает по саду аки мотылёк и всегда занята делом. Старик Пако уверяет, что ему совершенно точно миновало сто лет, но он бодр, весел и ещё может надрать зад Тайхану.

Да, волчонка пришлось оставить в школе. Во-первых, он был слишком мал, чтобы выжить самостоятельно, а взрослых диких оборотней вокруг как-то не наблюдалось, во-вторых, в то время меня охватило какое-то сумрачное оцепенение. А маленький щенок умудрялся меня из него раз за разом вытаскивать, то дергая зубами за юбку, то опрокидывая ведро с водой, то роя нору в грядке с моими любимыми львиными лилиями. Невольно мне приходилось вскакивать со скамейки, где я могла молча сидеть часами, не шевелясь даже, и бежать устранять последствия его хулиганства. Матушка Ши за этим понаблюдала и приняла судьбоносное решение. Тайхан остался с нами. Сейчас и не скажешь, что он был диким – единственное его отличие от наших учениц в

факте его рождения в зверином облики. Но об этом не знает никто, его с самого начала поместили в закрытую часть дома, куда не было прохода для девочек.

Сегодня Таю доверили командовать утренней гимнастикой. И оборотень, и девочки очень любят эти моменты, а старый Пако все чаще говорит, что ему пора на покой. Я с любопытством наблюдаю из окна своего кабинета, как молодой человек выстраивает в ряд воспитанниц, а потом разбивает их по парам. Сверху они все кажутся одинаковыми: в чёрных широких штанах и белых рубашках, босые, с туго заплетёнными косами. Но я могу большую часть из них различить по движениям и жестам.

Чуть позже девочки переоденутся в учебную форму: те, кому нет ещё тринадцати – в рубашку и длинную юбку, старшие – в традиционный ильхонский наряд: широкие штаны и длинный халат из чёрного шелка. Отличается форма лишь поясами: у отличниц в учебе пояса голубые, у остальных – чёрные. У наказанных учениц бывает и красный пояс, но уже давно, насколько я помню, никаких происшествий не случилось. Красного пояса нет ни у кого.

На самом деле он редко используется, ильхонки на редкость послушны, даже покладисты. Разве что оборотницы могут сцепиться, ну так это задача учителя – следить, чтобы они всегда были в разных учебных группах.

Хромая Лейзи сегодня вышла на гимнастику вместе со всеми. Я замечаю, что Тайхан оказывает ей особое внима-

ние, тщательно разъясня упражнения, часто ей помогая. Скажу ему, чтобы так больше не делал. Несмотря на увечность, никто и никогда не будет ее жалеть. Не стоит и привыкать к снисхождению. Ей надо стать сильной, чтобы выжить в мире людей, которые больше всего на свете ценят физическое совершенство. Скорее всего, Лейзи ждёт участь чёрной прислуги, всегда скрываемой от глаз хозяев и гостей. Может быть, в кухне, а может – если очень повезёт – в саду или рабочей комнате.

Я качнула головой, делая мысленно пометку, что нужно уже искать нового учителя боевых искусств. Дело непростое. Он должен уметь многое, быть честным и добрым к людям, а ещё его возраст или внешность должны ограждать от посягательств со стороны девушек. Никакие романы или влюбленности мне здесь не нужны, хватит и Тайхана.

Отойдя от окна, я принялась перебирать записки, оставленные мне учителями. «Заказать стальных перьев». «Кончатся кисти для рисования». «Нужен отпуск, давно не было писем от матери, хочу провести» – это от леи Норизэ. Так и знала, что брать в учителя молодую женщину – дурная идея. Старушки лучше. Стоит напомнить ей, что она не отработала и двух лет, отпуск ей не полагается. Впрочем, она может уволиться и ехать, куда вздумается. Остальные записки я отодвинула движением руки, вспомнив вдруг, что, наблюдая за утренней гимнастикой, даже не нашла глазами дочь. Нехорошо вышло.

Обычно я стараюсь не упускать ее из виду.

Мэйгут меня пугает. Она очень похожа на меня, буквально одно лицо, но... мы различны, как подсолнух и солнце. Я просто миловидна и ярка: волосы, глаза, светлая кожа. Веснушки, кстати, напрочь исчезли после рождения дочери, чему я необычайно рада.

А Мэй, она... ослепляет. Бьет наотмашь. Ярко-зелёные миндалевидные глаза, невероятной красоты лицо, волосы огненно-рыжие, но не такие, как у меня, выющиеся мелким бесом, а красиво ниспадающие крупными кудрями. Она меня чуть ниже ростом и гораздо тоньше, изящнее. И брови с ресницами не рыжие, а темные, почти чёрные. Ей не нужна краска для лица, чтобы подчеркнуть свои достоинства. И при этом она сокрушающе прагматична и холодна с людьми. Все вокруг для неё – пешки в ее игре. Она никого не любит, ни к кому не привязана, даже я для неё – всего лишь женщина, которая ее родила, но не мать. Единственная, кто удостаивается ее милости, это матушка Ши. К ней Мэйгут испытывает какую-то особую нежность, с ней она разговаривает по душам и делится своими тайнами.

Я же никогда не могла понять, что в голове у дочери, да, признаться, и не хотела. Занятая своей школой, я совершила ту самую ошибку, за которую так часто ругала ильхонцев: я не находила времени на своего ребёнка. Ничего удивительного, что мое место в ее душе (если у этого отродья фэйри была душа, конечно) заняла бабушка Ши, которая охотно

возилась с малюткой.

Несмотря ни на что, я люблю Мэй, но не думаю, что ей это важно. Мне порой хочется ее обнять, засыпать ее дорогими подарками, я вполне могу это себе позволить, даже просто – поговорить. Но не могу через себя перешагнуть, опасаясь, что мои порывы будут грубо отвергнуты.

Впрочем, у Мэйгут есть все, абсолютно все. В шкафу висят яркие, цветастые кимоно с великолепной вышивкой. Зонтики, веера, костяные гребни, заколки, пояса, дорогие притирания и краски для лица – всего этого у неё в избытке. Только она все равно ходит, как и все девочки, в чёрном ученическом костюме.

Я снова выглянула в окно, удостовераясь, что гимнастика окончена и двор пуст. Ученицы отправились по своим комнатам: умываться и переодеваться к завтраку.

Я когда-то специально выбрала для кабинета хозяйки школы помещение на втором этаже. Окна в нем расположены так, чтобы видеть и внутренний двор, и весь сад, и даже немного леса. Не то, чтобы я стремилась держать все под контролем, просто отсюда открывался действительно очень красивый вид.

И сейчас этот вид портила чёрная непонятная клякса в закрытой части сада. Я никак не могла разглядеть, что это там валялось на дорожке. Какая-то чёрная тряпка? Наверное, ветром унесло костюм одной из старших учениц! Надо убрать, пока не поднялся шум.

Быстро и даже с облегчением заперев кабинет, я спустилась вниз, вышла в сад, а потом через калитку прошла в ту его часть, куда не допускались ученицы. Только учителя и садовница. Взрослым тоже иногда нужно одиночество и покой.

Уже следуя по дорожке закрытого сада, я догадалась, что там не тряпки, а человек. Причём, судя по размеру, мужчина, а значит, чужак. Лежал он неподвижно, но это не значило, что в любой момент он не мог ожить и напасть на меня. Как он смог преодолеть зачарованную ограду? Фэйри? Ох, не хотелось бы мне встретиться вновь с кем-то из этого народа!

Я остановилась в нерешительности, раздумывая, не позвать ли мне на помощь Тайхана. Все же он мужчина и почти уже воин! Против чужака – защита. Не успела. Позади слышался шелест шелка, я обернулась и с удивлением увидела спешащую дочь. Конечно, у неё тоже был доступ в эту часть сада! Я разом успокоилась. Ни один мужчина, будь то фэйри или человек, не причинит ей вреда. Такой уж у неё дар. Я могу не любить его и бояться, но отрицать его пользу глупо.

– Мэй, я тебе рада. Помоги мне.

На миг дочь замерла и поглядела меня удивленно, а потом кивнула и вместе со мной подошла к чужаку.

Да, это был мужчина. Молодой. Красивый. Живой. Из груди у него торчал хвост арбалетного болта. Чужак лежал,

поджав колени, свернувшись в клубок, как котёнок в коробке или дитя в чреве у матери. Мы в четыре руки перевернули его на спину. Точеное смуглое лицо было бледным от боли, губы окровавлены. Густые чёрные волосы коротко острижены, но не мастером, а словно их наспех кромсали ножом. Стало быть, воин, только они имели право носить длинные волосы. И воин, который не хочет, чтобы знали, что он воин.

– Он умирает, – торопливо прошептала Мэйгут. Я впервые в жизни услышала в ее голосе волнение. – Ну что ты стоишь, помогай!

А чем я могу помочь? Добить беднягу, чтобы не мучился? Я к проклятым фэйри даже пальцем боюсь прикоснуться!

А дочь тем временем ловко и быстро разорвала заскорузлую от крови чёрную куртку мужчины, обнажая гладкую мускулистую грудь и конец болта. Крови неожиданно оказалось не так уж и много.

– Древко не дало развиваться кровотечению, поэтому он ещё жив, – деловито заявила Мэй. Я смотрела на неё с изумлением: откуда она это знает? А дочь продолжала: – Ты держи его за плечи, а я выдерну стрелу. Нет, лучше ты, ты сильнее.

– Я боюсь, – честно призналась я. – К тому же пойдёт кровь, и он умрет.

– Он и так умрет, и очень быстро. Такой красивый мужчина... не хочу, чтобы он умирал.

Я внимательно поглядела в ее лицо. Она... улыбалась. И

я поняла: Мэйгут положила на чужака глаз. И ещё поняла: мне это совершенно не нравится. Кто знает, что она сотворит с беднягой, попали он в ее руки? Сведёт с ума? Уничтожит как личность? Сделает из него марионетку? Очень даже запросто.

– Погоди, нет. Так не выйдет, – озабоченно бормотала де-вушка, ощупывая грудь потенциальной жертвы. – Болт хитрый, наконечник раскрывающийся и с резьбой. Будем тянуть – разворотим ему грудную клетку.

– Все? Шансов нет? – с надеждой спросила я.

– Мы протолкнём болт дальше, в спину.

– И сломаем ему ребра?

– Возможно. Но это неплохой шанс. Но тебе тоже не хватит сил. Надо звать Тайхана.

– Тайхан уже тут, сестрёнка. Он всегда там, где неприятности.

Я была очень рада юноше, он появился как нельзя кстати. Впрочем, как и всегда! Самый первый мой помощник. Без него придётся тяжело.

– Ну-ка, что тут? Сломаны два ребра, пробито легкое. Не жилец, – сын опустился на колени рядом с телом и вопросительно поглядел на Мэй.

– Ты проталкиваешь стрелу, я останавливаю кровь. Мама держит его за плечи. На счёт три: раз, два...

Все получилось очень быстро. Я вцепилась в плечи чужака, Тай ловко и сильно нажал на торец болта, раненый сипло

закричал, забился и широко раскрыл глаза. То был не фэйри. У всех фэйри глаза чёрные, как ночь. А у этого – золотистые. И даже не узкие, совсем чуточку миндалевидные. Возможно, это и вовсе не ильхонец.

Тай с рычанием выдернул болт из голой спины мужчины. Мэйгут быстро зажала ладонями оба отверстия: и входное, и выходное. Я впервые видела настоящую магию фэйри: кровь остановилась мгновенно, а кожа под девичьими пальцами вспыхнула алыми искрами.

– Стой, дура, ты его поджаришь! – заорал Тай.

Дочь быстро отдернула руки и виновато захлопала чёрными ресницами. На коже чужака остались алые пятипалые ожоги. А раны и в самом деле затянулись, оставив лишь багровые следы.

Мэйгут облизнулась, разглядывая полуголого мужчину, и я вдруг поняла, что его надо спасать, пока ещё возможно. Строго взглянув на дочь, я тихо и ровно произнесла ритуальные слова:

– По праву старшей крови я забираю его себе. Теперь это мой мужчина.

– Так нечестно! – взвизгнула Мэй. – Я его первой увидела! Я его спасла! Я хочу!

Лицо ее некрасиво исказилось гневом, губы задрожали. Мне немедленно захотелось отдать ей все, что она захочет. Подумаешь, мужчина! Для меня он слишком молод, да и не интересуется меня противоположный пол! А единственная

моя дочь хочет... Вот только совершенно непонятно, как он здесь очутился и зачем. Не опасен ли он?

Эта мысль и ещё пристальный и молчаливый взгляд золотистых глаз заставили меня повторить:

– По праву старшей крови он мой.

Мэйгут вскочила и сердито топнула ногой:

– Ну и возись тогда с ним сама! Не подойду больше! Пусть сдохнет как собака!

– Зря ты так про собак, – серьезно заметил Тайхан. – Мать, возьми его под левую руку. И понесли в дом, пока другие не сбежались.

7. Чужак

– И давно у Мэй дар исцеления? – спрашиваю я Тайхана, пока мы несем раненого в дом. – Почему мне не сказали?

– Давно, – пыхтит юноша. – Года три уже. Она сначала пробовала лечить мои ссадины, а потом поговорила с теткой...

– С кем?

– Ну, с Рене! Этой... мэйренни-айдро.

– Она знает?

– Разумеется.

– Ты рассказал?

Тай иногда навещал русалку в лесу, я никогда не скрывала от него, благодаря кому он остался здоров. Но я всегда думала, что он молчал об этом, храня мою тайну. Видимо, я ошибалась.

– Матушка, ну за кого ты меня принимаешь! Мэйгун узнала сама. Или ты не знаешь, что она может открыть все двери, которые поддаются тебе? Проследила, подслушала, прибежала советоваться со мной. Я ей рассказал все, что знал. А чего не знал – поведала Рене.

Как мило! И все это время меня обманывали за моей спиной.

Чужак в наших руках слабо, но выразительно застонал. Да, вместо того, чтобы болтать, следовало уложить его в по-

стель и напоить горячим вином, если мы, конечно, не хотим, чтобы все усилия по его спасению пошли прахом! Впрочем, не понимаю, зачем мы вообще его лечили, надо было дать ему сдохнуть, а тело потом вытащить в лес и там бросить. Если будут искать – никто ничего не знает.

Класть раненого было некуда, и Тайхан благородно согласился уступить ему на время свою каморку в конюшнях. Конюшни – это громко сказано. Они, конечно, у нас есть, и там даже живет одна лошадка, мирная, тихая и покладистая. Мы запрягаем ее в возок, когда едем в город за покупками. А Тай мужественно взял на себя когда-то обязанности конюха, отгородил часть конюшни деревянными щитами и соорудил себе вполне уютное логово с узкой деревянной постелью, полками на стенах и даже отхожим местом. Разумеется, зимой он перебирался в дом, к печке, но сколько у нас той зимы? Даже снег выпадал не каждый год.

– Где же ты будешь спать? – неуверенно спросила я оборотня.

– Так в стойле, – беззаботно ответил он. – Постелю сена, брошу поверх него плащ и нормально. Я же не изнеженная барышня! Ты не волнуйся, это же ненадолго. Этот чудак или помрет, или ему станет лучше. Мэй не слишком еще искусна в лечении. Тогда и подумаем, что дальше.

Так и порешили. Раненого уложили в постель, я зачем-то осталась сидеть рядом, а Тайхан побежал в кухню за вином. Мужчина был мне интересен, я смогла это признать.

Непонятно, был он ильхонец или иностранец. Судя по безупречности профиля и черным густым волосам, ильхонская кровь в нем точно была. Но глаза были другие, и нос чуть больше, чем по канону красоты, и кожа не такая темная, как у местных жителей. Полукровка? Да, скорее, всего.

Кстати, Мэй сказала, что у него сломаны ребра. Надо бы перетянуть. Пока же чужаку явно не хорошо. На высоком лбу блестят капли пота, на груди остались кровавые разводы, губы побелели, дыхание хриплое. Я нашла на полке чистую тряпку, намочила ее из кувшина для умывания и обтерла лицо незнакомца. Молоденький совсем, лет двадцать пять на вид, может, даже и меньше.

Неуловимым движением чужак вдруг поймал мою руку цепкими пальцами, широко раскрыл золотые глаза и проговорил отчетливо:

– Я Кей. Кейташи.

– Просто Кей? Какого ты рода?

– Просто Кей.

Отпустил мое запястье и затих, а я в растерянности смотрела на руку и нервно кусала губу. Мне было приятно его прикосновение. От него побежали мурашки по спине. Ко мне прикоснулся мужчина, и я это ощутила.

Выходит, я была права. Он не простой человек. В нем есть кровь фэйри. Ужасно, отвратительно. Что теперь с ним делать?

– Я принес вино, теплое, – Тайхан, как всегда, появился

совершенно бесшумно. И как обычно, в самый нужный момент. – Давай я его подержу, а ты напоишь.

– Сначала стоит перетянуть ребра.

– Ты права, матушка. Сейчас найду бинты.

Он принялся копаться сначала на полках, потом в куче одежды, сваленной в одном из углов прямо на пол, а затем с радостным вскриком нашел искомое в сундучке под столиком для умывания. У него, как у вечно влипающего в неприятности, всегда были в комнате бинты и крепкое вино для промывания ссадин и царапин. Конечно, его запасы пополнялись подозрительно часто, но пьяным Тая не видел никто, поэтому мы с матушкой Ши молча закрывали на это глаза.

Мне пришлось держать чужака... Кейташи за плечи, пока сын ловко и с явным знанием дела обматывал его торс широкой тканевой лентой. Тот только скрипел зубами, сдерживая стоны боли. Вино выпил залпом, упал на подушку и, кажется, мгновенно уснул.

– Иди, матушка, я присмотрю за твоим мужчиной.

Щеки у меня вспыхнули, я возмущенно поглядела на юношу. Конечно, я отобрала его у Мэй в присутствии Тайхана, но он же не подумал, что все это всерьез?

– Ну и что ты смутилась? Тебе нужен мужчина, я рад, что он сам нашелся, наконец. Разве вы не учите девочек в школе, что замужество – это хорошо и правильно?

– Тай, он гораздо младше меня!

– Какая разница? Ты вечно молода. Ну пусть не вечно,

пусть очень долго. Все равно... Он будет стареть, а ты нет. Так что это не причина...

– Тайхан, мы не будем об этом разговаривать! – жестко и холодно одернула я наглого мальчишку. – Никогда. Я уйду. И его зовут Кейташи. Просто Кейташи, без имени рода.

Кейташи меня волновал. Кто он такой, как оказался в саду, зачем? Опасен ли он? Чужак был без оружия, и то радость. Но я знала точно, что хороший воин может убить соперника голыми руками. Да что там, дедушка Пако, который старше, чем мир, запросто вырубает молодого и сильного Тайхана одним быстрым ударом ноги. И руки тоже может. Так что Кейташи определённо опасен. Кто знает, что у него в голове.

Я, конечно, помнила, что ильхонских воинов учили не только бою, у них был свой кодекс чести. И в нем говорилось, что они не сражаются с женщинами и детьми. А ещё – долг жизни священен. Вот только я знать не знаю, откуда этот молодой человек взялся. А вдруг он просто разбойник какой-то? Конечно, он назвал мне своё имя, как знак того, что доверяет... но его ли это имя?

Встревоженная и злая я пошла за советом к матушке Ши. У неё опыта все же побольше, к тому же она ильхонка, а не какая-то там гюйдо.

– Правильно, что спасли, – выслушав меня, кивнула старушка. – Жизнь человеческая священна. Если небеса дали шанс ее спасти, нельзя бросать человека, даже и разбойника,

умирать. И в конюшню поместили – правильно. Пусть Тайхан приглядывает. Пока раненый слаб, ничего не сделает. А потом разберёмся.

Про то, как мы с Мэйгут чужака делили, я благоразумно умолчала. Что касается моей личной жизни, мы никогда не обсуждали.

– Милая моя девочка, – продолжала матушка Ши умиrotворенно. – Ты все же не ильхонка и никогда ей не станешь. А мы, те, кто здесь родился, поговору любого местного жителя можем понять, откуда он родом, из какой семьи, какое получил образование. Ну, наверное, и ты своих соотечественников различаешь куда лучше, чем мы?

Я промолчала. Наверное, нет. Ну, по произношению слов могу разве что отличить жителя Северных провинций от южан. Южане говорят быстрее и глотают окончания слов. А северяне куда более медленные и основательные. А остальное... слишком давно я покинула родину.

– Ты поговоришь с ним? С Кейташи?

– Ну конечно. У тебя нет сегодня уроков?

– Нет, завтра.

Я поняла намёк и поспешила удалиться. Матушка явно хотела побыть в одиночестве. А мне не помешало бы, наконец, позавтракать, хотя, кажется, время уже клонилось к обеду. И Таю надо в конюшню отнести каши, он явно не ел ещё. И переодеться, конечно, чтобы девочки не видели директрису вот такой неряшливой: с растрепанной косой и мя-

той блузкой в пятнах не пойми от чего.

Я давно заметила, что ильхонцы больше доверяют мне, когда я не пытаюсь быть на них похожей. Чужестранка в традиционном ильхонском костюме вызовет презрение и насмешки за спиной. Иностранку в строгой белой блузке и широкой юбке уважают и немного опасаются, она ведь не такая, как местные. Да и мне гораздо удобнее привычные наряды. Поэтому я возвращаюсь в свою комнату и достаю из шкафа свежую рубашку на пуговицах, с рукавом-фонариком и скромным чёрным бантом под воротничком. И юбку тоже надеваю другою, на этой, кажется, пятна от травы. Рыжие непокорные волосы заплетены в тугую косу и прикрыты кружевным платком – от палящего солнца, к полудню будет жарко. Светлые ресницы чуть тронуты кисточкой с краской. Теперь они стали темнее, а глаза – выразительнее и ярче. Я довольна своим отражением в зеркале. Можно выходить «в люди».

– Доброе утро, лея Мальва. Вы сегодня поедете в город? – встречаю я в коридоре лею Олье, учителя каллиграфии и рисования. – Не забудьте про кисти.

– Нет, я никуда не собиралась.

– А я было подумала... ну ладно, доброго дня.

– Мальва, рыбка моя золотая, ты сегодня сияешь! – лее Такери, учительнице танцев и музыки, позволены в общении со мной некоторые вольности. Мне приятен ее комплимент, но отчего-то хочется вернуться и переодеться в старую мятую блузку.

И вообще, мне казалось, что я всегда выгляжу хорошо!

В школьной кухне было пусто и очень чисто. Матушка Ши не терпела неряшливости, за пятна на столе или невымытую за собой тарелку могла и тряпкой огреть. Всех, даже меня. Поверьте, когда ты получаешь по шее мокрой тряпкой, которой только что мыли плиту или стены, мыть посуду сразу же после еды учишься очень быстро. Исключений не делали даже для учителей или старика Пако: у каждого обитателя школы был свой набор посуды, он сам за ним следил. Ну а кастрюли, чайники и котелки мыли дежурные ученицы.

На завтрак сегодня была каша, густая, молочная и с ягодами малины. Этим летом урожай малины в саду был великолепен. Крупная, ароматная, нежно-желтого цвета, она теперь добавлялась во все, что можно: в чай, в кашу, в пироги. Несколько подносов сушилось на солнце на зиму. На следующей неделе матушка Ши обещала варить варенье, чего с ужасом ждали старшие ученицы. Собирали ягоду младшие, а вот перебирать ее и часами сидеть на душной кухне с кастрюлями варенья придется старшим.

Я быстро позавтракала и наложила в миску щедрую порцию каши. Взяла ложку, чашку с ароматным малиновым чаем и отправилась на конюшню.

Тайхан встретил меня насмешками:

– Матушка, твоя забота мне льстит, но ты уже четвертая, кто стремится меня накормить. Сначала каши мне принесла Мэй, потом матушка Ши, потом прибежали ученицы узнать,

почему я не был на завтраке. Теперь еще и ты! Нет, нет, и не проси, я не голоден! Накорми лучше нашего гостя.

– Он спит, – недовольно сказала я, подозрительно поглядывая на лошадку Шусто. Может, ей кашу скормить? Можно ли лошадям молоко? Кошки вряд ли согласятся на завтрак с малиной.

– Ничего он не спит, ворочается. Я же слышу.

Да уж, слух у оборотней гораздо острее человеческого. Оборотни вообще во многом превосходят людей: они быстрее, сильнее, выносливее, у них гораздо лучше реакция. Но вот один недостаток у них перекрывает все достоинства – животные инстинкты. У мужчины может напрочь снести голову от запаха подходящей для размножения самки. ну и наоборот тоже случается. Женщины в период течки ведут себя совершенно непредсказуемо, какая уж тут служба!

– Давай ты его накормишь? – неуверенно предложила я.

– У тебя опыта больше. Ты умеешь с больными, а я просто надену ему тарелку на голову, сама же знаешь.

Да, Тайхан бывал нетерпелив. Молод еще, вспылчив.

Ничего не поделаешь, придется мне идти к Кейташи самой.

8. Манеры

Тайхан был прав: раненый не спал. И вообще выглядел весьма неплохо, учитывая, в каком состоянии был найден. Пожалуй, бледен, и искусанные губы белы, и глаза блестят как-то лихорадочно, но дыхание ровное и пота на лице нет. А ещё голые плечи прикрыты рубашкой Тая и повязки совершенно чистые.

– Мэйгут приходила, – вырвалось у меня невольно.

– Твоя сестра? Да. Она лекарша.

– Дочь. Мэй – моя дочь.

Глаза раненого округлились, он уставился на меня с изумлением.

– А мальчик, ну, юноша, что называет тебя матушкой?

– Сын.

– Фэйри... – с отвращением протянул Кей. – Ненавижу фэйри.

– Ты сам один из них.

– Ну вот ещё, с чего ты взяла?

– Чувствую.

Не могла же я ему сказать, что проклятье мое в том, что человеческие мужчины мне абсолютно неинтересны, а Кей-таши я испытываю определенное любопытство.

– Я не фэйри.

– Я тоже не фэйри.

Разумеется, мы друг другу не поверили, оставшись каждый при своём мнении. Но это было не так уж и важно.

– Ты голоден, не-фэйри?

– А тут ещё и кормят? Я не голоден, я просто хочу жрать. Хотя я завтракал... вчера.

Чары исцеления, ну конечно. Они забирают много энергии.

– Я принесла каши.

– Каши? – на лице Кейташи отразилось отвращение. – А мяса нет? Или хоть тофу?

– Уважаемый, отдельно для тебя готовить никто не будет, ты не в императорском дворце, а в школе для девочек. Каша на завтрак очень полезна.

– Судя по солнечным лучам, время уже к обеду.

– Я вижу, ты не так уж и голоден.

– Э-э-э, стой, – забеспокоился мужчина. – А ты меня покормишь? Из рук прекрасной девы я готов принять даже яд.

– Извини, запасы яда истощились. Есть только каша.

– Я согласен.

Пришлось помочь ему приподняться и кормить с ложки, хотя мне думалось, у него было достаточно сил есть самостоятельно. И кашу он поглощал с явным удовольствием, хотя осилил всего полтарелки, а потом откинулся без сил.

– Спасибо. Неожиданно вкусно, – пробормотал он. – Не привык к такой пище, но вкусно.

Ага, ясно. Господин Кейташи не любит кашу, потому что

ему никто ее не готовил. Все же воин? Из какого-нибудь монастыря? Поговаривают, там послушники едят только то, что могут поймать и приготовить сами. Явно они не ловили корову и не доили ее!

– Ты можешь поклясться, что не причинишь зла обитателям этого места? – вспомнила я вновь про свои опасения.

Он приоткрыл один глаз и с укором поглядел на меня.

– Вы мне жизнь спасли.

– И поэтому я должна тебе верить? Тут не военная часть и не казарма. Из мужчин – один Тайхан. Остальные – женщины и девочки. Если тебе в голову придёт устроить резню, никто не сможет тебе помешать.

На самом деле сможет, но знать об этом чужаку не обязательно.

Кейташи открыл и второй глаз и тихо, но внятно пробормотал:

– Клянусь своей кровью, что не замышляю ничего дурного против обитателей школы «Дивный Сад» и не причиню зла никому из них, если только мне не придётся защищать свою жизнь. Довольна?

– Нет.

– Что еще?

– Ты давал раньше клятву никогда не убивать женщин и детей?

– Минутку, такой клятвы не существует. Есть клятва не убивать женщин и детей, которые не пытаются убить тебя.

Если ты нападешь на меня с ножом, я буду защищаться.

– Ты же только что хотел яда из моих рук.

– Я был голоден.

Невольно я улыбнулась. Наша пикировка доставила мне истинное удовольствие. С кем мне тут разговаривать на равных? Не с ученицами же! Иногда было весело ругаться с Тайханом, иногда можно было поболтать с матушкой Ши или перекинуться парой слов с Рене, а учительницы отчего-то меня боялись и никогда мне не возражали. А этот... этот был забавный. Мне он нравился.

Что ж, я получила с него клятву. Этого пока достаточно.

Уходить мне отчего-то не хотелось, хотя Кейташи уже обессилел и ровно задышал, словно уснул. Но я чувствовала: притворяется, разглядывает меня сквозь полуопущенные ресницы. Они у него чёрные и густые.

И все же, кто он? Волосы были длинные – воин. Болтает всюду: значит, не шпион и не наёмный солдат, те обычно молчаливы. Говорит чисто и грамотно, значит, воспитывался в хорошей семье или школе для мальчиков. Что я ещё могла в нем рассмотреть? Полукровка. Грамотный и обученный драться. С явной кровью фэйри. Много ли таких в Ильхонне? Пришлось признать: каждый десятый. В отличие от Ниххона, где чужестранцев не любили до сих пор и браки с ними признавались с большим скрипом, в Ильхонне нравы проще. Здесь работало много иностранцев, как правило, красивых и талантливых. Ильхонки вполне могли выйти за-

муж за любого из них и родить ребёнка. И если семья позволит, дети воспитывались по местным традициям. То есть, если есть рюпы, в закрытой школе.

Нет, я не смогу быстро узнать, кто такой Кейташи. Имя, кстати, у него вполне себе ильхонское.

Сколько я так просидела, рассматривая чужака, не знаю. Это странно, я давно уже мужчин просто не замечала. Не сказать, что они мной не интересовались, вовсе нет. Видимо, по меркам ильхоцев я не уродлива, несмотря на довольно высокий для женщины рост и выдающиеся достоинства. К тому же, я думаю, собственная школа, да ещё довольно престижная, добавляло мне немало привлекательности в глазах ухажеров. За последние пятнадцать лет я получала предложение руки и сердца не менее сорока раз. Многие пытались со мной подружиться, их не останавливало даже то, что у меня дочь с явными признаками фэйри и приемный сын-оборотень. Впрочем, в последние три-четыре года претендентов на руку, сердце и Дивный Сад сильно поубавилось. Наверное, смельчаки в Шейнаре (*крупный портовый город Ильхонна, второй после столицы) закончились.

Но я замуж не собиралась ни при каких условиях хотя бы потому, что я по-прежнему не являлась ильхонкой. По местным законам, женщина могла получить гражданство двумя законными методами: стать женой местного или получить личную грамоту от Императрицы. Разумеется, были и обходные пути. Выйти замуж по договоренности за старика или

жулика, который потом предоставит документы о своей мнимой смерти. Говорят, в Шейнаре много кто таким промышляет. Но я разумно опасалась, что после «подписания» брака скоропостижного вдовства может не случиться. Ведь недвижимое имущество сразу становится совместной собственностью, а здание школы (раньше там была гостиница) и довольно обширный кусок земли куда заманчивее, чем какие-то там полторы тысячи рюпов. Да, я узнавала стоимость этой услуги. Нет, я не сумасшедшая, чтобы так рисковать.

Все это я говорила мужчинам, которые пытались за мной ухаживать. К их чести, некоторые заверяли меня, что никоим образом не будут претендовать на школу и даже готовы были подписать нужные соглашения, но... мне не нужен мужчина в размеренной и привычной жизни. Я даже представить себе не могу, для чего мне вдруг выходить замуж. Приходилось врать, что до сих пор люблю бывшего жениха, вот такая я преданная и честная женщина. Самое смешное, мне верили и уважали меня больше, чем я того заслуживала. Трое человек и вовсе каждый год повторяют свои предложения, не сдаются. Забавно.

В последнее время я все чаще размышляю о том, что стоит, вероятно, просить аудиенции у «Светлоликой и мудрейшей». Связей у меня достаточно для того, чтобы, как минимум, получить приглашение во дворец. Вот только каких-то особых заслуг у меня нет.

Вот было бы здорово, если бы Кейташи оказался принцем

крови! Тогда за его спасение я бы вполне могла попросить гражданство Ильхонна! И тогда я смогу потом оставить завещание, чтобы моя дочь унаследовала школу.

Помечтала, Мальва? Ты когда-нибудь слышала, чтобы принцы с неба падали? Мы же не в сказке...

Кейташи все же заснул. Я поднялась и вышла в сад. Здесь было немало укромных мест, где можно было спрятаться от всех и побыть в одиночестве. Мне бы, конечно, стоило подняться в кабинет и заняться счетами и налоговыми отчетами. Не хотелось. Я люблю цифры и арифметику, расчеты меня успокаивают. Особенно подсчёт прибыли, конечно. Сейчас я уже вполне богатая женщина, и это не может не радовать.

И все же мне хотелось в сад. Не зря его называют дивным, он прекрасен, как ни один сад в Ранолевсе. На моей родине нет такой роскошной зелени, таких крупных и ароматных цветов, такой шелковистой травы... Ну, может, в королевском саду. Но я бы туда все равно никогда не смогла попасть.

В колючих кустах барбариса я снова обнаружила Лейзи. Девочка сидела прямо на земле с травником и внимательно изучала листочки. Заметив меня, она робко улыбнулась и сказала:

– Это барбарис, я видела его на картинке в книге, но он на Островах не растёт.

– Верно, – кивнула я. – Этот куст ещё маленькими прутиками привезли из Ранолевса. Я хотела попробовать делать из него желтую краску, но увы, растение не получается вы-

растить в достаточном для этого объёме. Ну, хватит с него и ягод, они полезные.

– Не хочет расти в чужой стране? – усмехнулась девочка вполне по-взрослому. – Я его понимаю. Но все равно он очень красивый. В саду так много незнакомых мне растений, это чудо какое-то!

– Тебе нравятся растения?

– Очень. Им все равно, красивый ты или нет. К тому же с ними так спокойно!

– Если хочешь, можешь помогать лее Ши с розами. Она научит тебя выводить новые сорта.

– Очень хочу, можно?

– Я поставлю тебе это в расписание. Матушка Ши давно просила помощницу.

Вот за это я и любила свою работу: помочь девочкам найти свой путь в жизни – разве это не прекрасно? Видеть, как они расцветают, как из маленьких невзрачных ростков вырастает сильное, здоровое, красивое растение. Роза ли, лилия, или ночная фиалка – каждая хороша по-своему, нужно лишь это разглядеть.

Потому и школы мы с матушкой Ши называли так же, как всю территорию: Дивный Сад.

– Ты уже подружилась с кем-то из девочек?

– Пока нет, я... не очень умею дружить. Отец говорил, что мне лучше не показываться на глаза никому из соседей, чтобы его не позорить. Я все время сидела в своей комнате.

– Здесь ты можешь гулять, когда захочешь. Если, конечно, у тебя нет занятий.

– Спасибо, лея Мальва. Мне очень нравится в школе.

Я кивнула и скрылась в закрытой части сада. Маленькие дети – это, конечно, мило, но иногда очень утомительно. Особенно, когда они чужие и их много.

9. Школьные будни

В третий, пятый и шестой день недели я веду уроки раннолевского и эльзанского языка у девочек. Занятия начинаются сразу после завтрака: сначала старшая группа, потом младшая. С теми, кому требуется дополнительная помощь или особые условия, мы занимаемся после обеда. Двое из старших девочек проявляют достойное уважения усердие в изучении языков, у них получается разговаривать уже очень чисто. Их я обычно прошу заниматься с отстающими младшими. А ещё всегда ставлю их вместе на дежурство по кухне, прихожу туда и разговариваю с ними на родном языке. И мне приятно, и им наука.

Старшие ученицы обычно помогают во всем. Тех, кто успешен в математике, я прошу помочь мне со счетами, а юные воительницы всегда сопровождают меня и матушку в поездке в город. В случае необходимости они прекрасно смогут защитить нас от грабителей.

Не бывает детей дурных, глупых или испорченных. Бывают злые взрослые, которые когда-то вложили в ребёнка обиду, боль или унижение. Я не могу сказать, что я люблю каждую ученицу, но стараюсь заботиться о них и слышать их желания, и они отвечают мне послушанием и старанием.

Даже, к примеру, Ираки, самая проблемная из девочек, жестокая и абсолютно безжалостная. В ней кровь фэйри по-

что так же сильна, как в моей Мэйгут. А фэйри не знают ни любви, ни жалости, ни страха.

Когда я поняла, что Ираки ничего и никого не боится, я приняла тяжелое решение воспитывать ее как убийцу. В городской страже есть особые воины, которые занимаются выслеживанием и уничтожением опасных преступников (да, они и среди прекрасных ильхонцев тоже частенько встречаются). Ираки там уже давно приготовлено место. Молодая красивая женщина – кто ждёт от неё смертельного удара? Ещё два года – и моя воспитанница вступит в ряды стражников.

Да, мне грустно и даже стыдно отпускать ее на такую жестокую службу, но сама Ираки спит и видит себя на этой работе. Ее поведение в последнее время просто идеально, она старается вести себя дружелюбно с соседками, безукоризненно выполняет любое поручение и получает только отличные оценки. Боится, что, если я не буду ей довольна, могу и не дать нужных рекомендаций. Правильно, в общем-то, боится. В первые года ее обучения мне даже хлыст в руки брать приходилось и запираť ее в чулане за издевательства над кошками и соседками по комнате. К счастью, настолько сложных учениц у меня больше не было и, надеюсь, не будет. Если бы не моя застывшая молодость, наверное, я бы с ней поседела.

Теперь же Ираки одна из первых поднимает руку на уроке, вызываясь прочитатъ сочинение на эльзанском. Правда,

взгляды, бросаемые ей на девочек, кто тоже желает ответить, далеки от добрых и смиренных. Я ее хвалю – она и вправду умница. Если бы не ее работа над собой, своим характером, если бы не острое желание быть «нормальной», ничего бы у меня не вышло. Никто не может слепить из ребёнка человека, кроме него самого. Учителя – лишь помощники.

Конечно, можно сказать, что наставник – это гончар, а ученик – глина, но ведь из дурной глины не слепить красивую тонкую чашку, хоть убейся, а человек на то и наделён разумом, чтобы сам себя творить.

И все мои девочки тому доказательство.

Были у меня и ленивицы, которые не добились ничего особенного. Учились посредственно, на дополнительных занятиях зевали. Из школы вышли обычные красивые девушки, каких на улицах Шейнара сотни. Впрочем, неплохое образование все равно помогло им найти своё место в жизни, благо что в Ильхонне немало рабочих мест для женщин. Им даже не возбраняется быть управляющими лавок, писарями и секретарями, хотя, конечно, мало кто желает. Мои «обычные» девочки предпочли быстро выскочить замуж, а учитывая, что репутация Дивного Сада была высока, женихи нашлись быстро. Каждый получил то, что заслужил. И да, добровольное пожертвование-благодарность школе за воспитанную и послушную жену никто не отменял.

Среди нынешних старших учениц таких обычных шесть. Они мечтают о богатом муже, большом доме и беззаботной

жизни. Что ж, наверное, это тоже неплохой план. Не всем же становиться актрисами, сказочницами или воинами. Ещё неизвестно, что лучше – быть почтенной женой и матерью или... как Мэйгут, куртизанкой.

Дочь, кстати, все ещё на меня обижена. Отводит глаза, на уроках молчит, хотя я точно знаю, что она готовилась. Ее сочинение я видела в нашей комнате. Наверное, мне надо с ней поговорить по душам, объясниться, но в последнее время наши разговоры заканчиваются нехорошо: ссорами и криками. Лучше подожду.

Уже к вечеру (обед я в своих раздумьях пропустила) в закрытой части сада меня разыскала матушка Ши и без предисловий заявила:

– Ну и забавный твой раненый!

– Что же в нем забавного?

– Из знатной семьи, очень воспитанный. Судя по говору, из столицы. Вероятно, из приближенных Императорской семьи. Обучался воинскому искусству в столичной школе Цай, скорее всего, ещё домашнее обучение великолепное было. Не разбойник и не жулик, но явно что-то скрывает или от кого-то прячется. Наотрез отказался называть имя рода и кто его подстрелил. Вот что я думаю, деточка...

– Гражданство? – выдохнула я.

– Да. Его родня не может не отблагодарить. Хватит ли их влияния – неведомо. Есть ещё одна хитрость в ильхонском законодательстве, про неё редко вспоминают. Если двена-

дцать влиятельных людей попросит за тебя, твою петицию непременно принесут на стол Императору.

– Не Светлоликой и мудрейшей?

– Нет, но тоже неплохо. Передаст, наверное.

Я замолчала озадаченно. Император занимался совсем другими вопросами. К тому же прошения от женщин всегда рассматривала Светлолика.

Почему «хитрость» использовалась редко, я вполне понимала: человек, у которого достаточно влиятельных друзей, и сам всегда был не из последних, из их круга. Кого я могла попросить вступить за меня? Шестерых моих первых выпускниц, это однозначно. Достаточно ли голоса лучшей актрисы театра Синдоо? А Сказочницы? А начальницы личной охраны Императорской дочери?

Даже если эти женщины подходят, где взять ещё шестерых? Родня Кейташи и он сам? Было бы очень неплохо.

– Надо подружиться с чужаком, – наконец, сделала вывод я.

– Хорошо бы его заинтересовать, – с мягким укором покосилась на меня матушка.

– Ну нет, Мэйгут он не пара. Да и не нужен он ей, только поиграет и прочь отбросит, а он потом обиду затаит.

– Дура, при чем тут Мэйгут?

– А кто? Девочки для столичного аристократа слишком... молоды. Из учителей...

– Мальва!

– Что? – я растеряно поглядела на матушку и вдруг поняла. – Это на что ты намекаешь?

– И не намекаю, а прямо говорю. Ты молодая, красивая, умная. Хочешь гражданство – вертись.

– Это совершенно неправильно!

– В Ильхонне дела так и делаются: а чем ещё женщине расплачиваться за услугу?

– Я... мы ему жизнь спасли!

– Это одно. Долг благодарности, конечно, важен. Но если он ещё будет испытывать к тебе нежность и заботу, дело пойдёт куда быстрее.

– Матушка, он младше меня... не знаю даже, насколько! Я ему в матери гожусь... если бы блудила с юности.

– Родная, запомни: женщине может быть столько лет, сколько она захочет. Я не говорю, конечно, про дряхлых старух вроде меня, но до определенного срока возраста у женщины нет. Есть разве что вкус и аромат, как у лучшего цветочного вина.

Я нахмурилась и прикусила губу. Раньше матушка Ши настаивала, даже требовала, чтобы я завела любовника. Уверяла, что женская сущность нуждается в мужской твердости, что полноценная жизнь должна быть не только днём, но и ночью. Впрочем, мне казалось, что тема давно закрыта. А это просто подходящих кандидатов на горизонте давно не появлялось! А теперь вот обнаружился, и снова эта песня!

Ну уж нет, никаких мужчин, одни проблемы от них.

– Благодарю за наставление, матушка, – поклонилась я.

– Но пропущу его мимо ушей, да? – усмехнулась старушка, так хорошо меня знающая. – Что ж, ты девочка взрослая, умная, делай как знаешь.

Демоны! Зачем мне мужчина, зачем они вообще нужны, если отбросить эфемерное и лживое чувство под названием «любовь»? Со своей жизнью я прекрасно управляюсь сама, деньги зарабатывать умею, поговорить мне есть с кем. Детей не хочу, достаточно. Я вообще считаю, что понятия «брак» и «семья» придумали мужчины, чтобы заключить женщин в клетку, чтобы управлять ими. Якобы потому, что женщина слабее и беззащитнее. Вот только защищать ее нужно, как правило, от тех самых мужчин. Хорошо устроились: сначала мы будем поднимать на тебя руку, угрожать и насиловать просто потому, что сильнее физически, а потом предложим защиту. Только ты должна будешь нам прислуживать и рожать детей.

Вот не люблю фэйри, но у них хотя бы полное равноправие. А все потому, что магия уравнивает силы.

Наверное, поэтому я стараюсь дать моим девочкам такие наставления, чтобы они могли быть самостоятельными и вполне способны были прожить без мужчин. Вот только почему-то все они стремятся к замужеству... Что ж, мое дело вырастить их и выпустить в самостоятельную жизнь, а не заставлять жить именно так, как хотелось бы мне.

Я счастлива своей судьбой, а они своей. Главное, не забы-

вать об этом.

Наверное, мне пора навестить Рене. Давненько я у неё не бывала. Внутреннее смятение, не отпускавшее меня с того момента, как в саду появился незнакомец, начинало раздражать. Я никак не могла найти точку равновесия, и это было неправильно.

Но отчего-то мне не хотелось рассказывать Рене про Кей-таши. Хотелось скрыть его, спрятать. И это тоже было ненормально. Впервые за последние двадцать лет я ощущала себя растерянной и встревоженной. У меня не было плана на такой случай, и я не могла предсказать свой завтрашний день. Мне это не нравилось.

10. Загадочный Кейташи

Утром следующего дня я собиралась ехать в город. Перья, бумага, чернила... заглянуть на рынок и в лавку тканей, проверить цветочный лоток, где торгуют свежими цветами из нашего сада для экибан и украшения домов. Я слишком прижимиста, чтобы позволять такой красоте пропадать втуне, а розы и лилии слишком красивы. Они достойны стоять в вазах самых почтенных домов Шейнара.

Возле кабинета меня ждала лея Норизэ, юная учительница математики и законов.

– Лея Мальва, я просила об отпуске. Мне нужно две недели, чтобы провести матушку. Она с Восточного Острова, от неё уже месяц нет писем, я волнуюсь!

Молодая женщина выпалила все это очень быстро, явно волнуясь. Руки, сложенные у груди в молеальный жест, дрожали.

– Лея Норизэ, ты ведь знаешь наши правила. Отпуск тебе полагается только через два года. Отправь гонца или напиши соседям, я не знаю. Твое жалование позволяет что-то придумать. Впрочем, если тебе так надо уехать, ты всегда можешь уволиться.

Я точно знала, что она не рискнёт. Во-первых, устроиться работать в Дивный Сад не так уж и просто. Во-вторых, платим мы тут более, чем щедро, учитывая, что жильё и еда

из жалования не вычитаются. Ну а в-третьих, по контракту, который она подписала, ей не будет никаких рекомендаций до тех пор, пока она не отработает упомянутые уже два года. При следующем устройстве на работу ее непременно спросят, почему так вышло. Что ответит?

Чисто теоретически, отпустить я ее могла, взяв на себя две недели уроков математики и попросив матушку учить девочек законам. Но почему я должна брать на себя лишние обязанности? У меня и без того дел достаточно! Я нанимала учителя не для того, чтобы выполнять его работу.

– Лея Мальва, молю! У меня просто нет времени! А вдруг матушка моя больна или при смерти?

Я с удивлением поглядела на молодую женщину. Ей не больше двадцати пяти. Сколько может быть лет матушке? Пятьдесят? Самое большее – шестьдесят? Для идеально здоровых ильхонцев это самый расцвет жизни!

– Ты меня услышала, лея Норизэ. Решай свои проблемы сама и впредь меня не вмешивай.

– Это потому, что ты сама – сирота! – зло бросила мне Норизэ. – Не знаешь, что такое – дочерняя любовь! И вообще любить не умеешь.

Я только пожала плечами, сделав мысленно пометку вписать в личное дело этой женщины несколько недобрых слов. Будет она ещё спорить с хозяйкой школы! Захлопнула дверь кабинета перед ее наглым носом, собрала нужные бумаги в небольшую кожаную папку, прикрепила к поясу кошелёк и

внимательно оглядела себя в зеркале. Белая блузка с воротничком под горло, широкая бежевая юбка с карманами, традиционная ильхонская соломенная шляпа, завязанная лентами под подбородок. Обычный строгий наряд, ничего лишнего. Можно ехать. Возьму с собой Тайхана и Ираки. Ей поездка в город – всегда награда.

Тайхан тоже не возражал, кинул мне только небрежно:

– Кей про тебя спрашивал. Ты к нему два дня не приходила.

– А зачем? – удивилась я. – Ему плохо? Раны воспалились? Некому покормить?

– С ранами в порядке все. И я его кормил, вернее, он сам прекрасно держит ложку. Правда, требовал рыбы, салата с чукой и маринованного кальмара. Я предложил пойти наловить и замариновать, он почему-то не согласился.

Я хихикнула. Так этому привереде и надо! Кальмаров он захотел! Пусть в ресторан едет, у нас еда простая, но сытная и вкусная. Картофель, морковь, лук и капусту выращиваем сами, между прочим. А рыбу и мясо нам привозят торговцы раз в неделю. Раньше у нас ещё курятник был, старый Пако ловко рубил головы этим крикливым тварям, но потом куры передохли от какой-то болезни, и я решила, что вполне могу себе позволить яйца и птицу покупать на рынке, а не заставлять учениц ещё и птицеводством заниматься. Хватит с них четырех коз и огорода.

– Узнаю в городе, не ищут ли какого пропавшего аристо-

крата. Очень любопытно, кто же все-таки такой наш Кейташи.

– Я догадываюсь, но пока не уверен, – хитро прищурился Тай.

– Поделишься догадкой?

– Не-е-е, если промахнусь, то буду выглядеть глупо. Никуда Кей не денется, рано или поздно ему придётся признаться.

– Надеюсь, ты прав. Хотя я, признаться, думаю, что он попытается сбежать в одну из ночей.

Тайхан неопределенно пожал плечами и отправился запрягать кобылку. Я же разыскала Ираки и велела ей одеваться. Она очень обрадовалась поездке и собрала целую сумку метательных ножей: затупились от частых тренировок. Сама она точила их неважно, это дело долгое и нудное. А в городе есть точильщик сточильной машиной.

Мысль о том, что Кей и вправду может сбежать, меня теперь тревожила. Раны ему Мэйгут залечила очень неплохо, ест он с завидным аппетитом, скоро начнёт подниматься с постели и все... улетит как ветер. Видимо, зачарованные стены его не остановят. И удержать мне его нечем, не ложиться же с ним в постель, в самом деле!

В городе всегда находится куча дел. Для начала мы заехали в ратушу, где я уплатила положенные налоги и сдала расчетные бумаги. Потом в банк – положила на счёт деньги, полученные за обучение Лейзи. В писчую лавку – за перьями и

чернилами. Заодно купила несколько чистых тетрадей. Навестила и мясника, уточнила, не вышли ли мы за пределы оговорённой суммы. Выписала ему расписку для банка, заверила личной печатью. Мне очень нравилась эта система: не нужно таскать с собой кучу наличных, можно просто выдать в оплату товара бланк, с которым продавец потом придёт в банк Шейнара и, скорее всего, не будет получать эти деньги, а запишет их себе на счёт.

Заехали и к городской страже, якобы для того, чтобы Ираки поприветствовала своих будущих соратников. Она и в самом деле очень радовалась их вниманию и комплиментам. Ножи они у неё отобрали и заточили сами. В городскую стражу чаще всего идут работать молодые и смелые, а те, кто постарше, уже не бегают по улицам, а сидят в кабинетах или переходят в охранную службу. Неудивительно, что мне выложили все новости (меня тут любили, я всегда приезжала с пакетом булок), а после поспорили с моей ученицей, что она не сможет попасть ножом во-о-он в то крошечное зелёное яблочко.

Про пропавшего молодого воина никто ничего не знал, а в яблочко Ираки попала с первой попытки.

Тайхан отправился по самым дорогим гостиницам, резонно предположив, что наш чужак должен был где-то остановиться. Вряд ли с его аристократическими привычками он прибыл пешком и без сменной одежды, а мы с Ираки поехали в лавку с тканями: поглядеть на новинки, купить хлоп-

ка, шерсти и шелка для шитья одеял и послушать сплетни. Впрочем, ничего нужного не узнали, хотя денег потратили больше, чем я рассчитывала. И зачем мне, спрашивается, ильхонская шелковая мужская рубашка?

Тайхана мы дожидались в небольшом уличном ресторанчике. Пили чай, вкушали морские деликатесы (включая того самого маринованного кальмара), обсуждали новую моду: женщины теперь носили халаты с крупной вышивкой. Раньше шелковые одежды были все больше разрисованные красками. Изменились и прически, стали более гладкими, сдержанными. Никто уже не носил в волосах целые икебаны, достаточно жемчужного, а то и деревянного гребня. Надо признать, выглядело очень достойно. Скажу Тайхану, что нужно заехать ещё в лавку с украшениями, не стоит отставать от моды.

Мой сынок появился, когда мы уже откровенно заскучали. Тайхан был не один, если можно так выразиться. Он вёл на поводу лошадь, да какую лошадь! Вороную длинноногую кобылку красоты неопишуемой, наша скромная лошадка рядом с ней выглядела, что старая дворняжка в сравнении с борзой. Через холку вороной были перекинуты кожаные сумки. Нетрудно было догадаться, кому принадлежала лошадь.

Тай плюхнулся на стул, с сомнением заглянул в пустой чайник, утащил с тарелки Ираки остатки тофу и принялся сосредоточенно жевать с самым невинным видом. Мне

немедленно захотелось стукнуть его ложкой по лбу.

– Кто? – не утерпела я. – Кто он?

– Кейташи Кио.

Было от чего ахнуть. Кио! Императорская фамилия! Да, все-таки заполучу я своё гражданство, в этом нет сомнений.

– Покойный Кейташи Кио, – остудил меня сын, – два дня назад найден изуродованным до неузнаваемости в канаве. Опознали по волосам и нагрудному медальону. Тело отправили в столицу, где его, я думаю, предадут ритуальному сожжению.

Мы с Ираки переглянулись с самым изумленным видом. А кто тогда у нас в конюшне? За беседой с ученицей я как раз успела узнать, что на секретного раненого уже поглядела вся школа.

Выходит, или наш Кейташи – не Кио, или удачно замел следы. И я склоняюсь ко второму варианту. Единственное, что меня смущало...

– Он похож на полукровку.

– Матушка, ты вообще Императоров видела? Или их портреты хотя бы?

– Видела. В учебниках. Не сказать, что что-то выдающееся.

– Ну хотя бы историю бы вспомнила... Первая Императрица была дочерью ниххонского воина и эльзанской графини. А ее супруг – лис-оборотень. Ты хочешь, чтобы их потомки были сплошь узкоглазы и черноволосы?

– Учебники...

– Печатаются с клише. Попробуй передать на крошечной гравюре разрез и цвет глаз.

– Допустим, наш Кей...

– Я думаю, да. Кстати, его лошадь и пожитки обошлись в семьсот рюпов. Надеюсь, мне воздастся.

– Надеюсь, ты требуешь долг не со школы, а с Кея. У меня совсем нет денег сейчас.

– Ну да, а в банк мы заезжали исключительно для того, чтобы поболтать с банкирами. Так чай мне будет или нет?

– Уже поздно. Если ты хочешь нарваться на ночной дороге на грабителей, пей, конечно.

– Просто мечтаю, да и Ири тоже, верно, дорогуша?

Ираки молча кивнула и улыбнулась как-то криво.

– Но я знаю, тебе дурно от вида крови, поэтому я переживу без чая. Поехали. Ири, хочешь верхом?

– Неприлично незамужней девушке ездить верхом, – вздохнула ученица. – Лея Мальва, может быть, вы?

– По сумеркам и на незнакомой лошади? Не смешите меня. Я еду в повозке.

К счастью для меня и к сожалению для моих спутников, домой мы вернулись хоть и в темноте, но без происшествий. Несмотря на то, что в повозке лежало несколько тюков с дорожными тканями, шкатулка с гребнями и заколками, мешочек с иглами и нитками для вышивания, а ещё сундучок с письменными принадлежностями, никто не покусился на

эти богатства. Возможно, городская стража знала свою работу, а возможно, мы уже примелькались тут. Пару лет назад на нас уже нападали, и закончилось это очень печально. Для разбойников, разумеется. Кстати, тот случай пошёл на пользу нашей репутации. Весь Шейнар увидел моих девочек-воительниц в деле, а им тогда было всего четырнадцать лет.

11. Разговоры

Несмотря на то, что время было позднее, я отправилась в конюшню вместе с Тайханом. Уж очень было любопытно поглядеть, какотреагирует Кейташи на лошадь. В камерке Тая горит свет. Гость наш императорских кровей не спит. Интересно, он там один? Лучше бы один. Убью того, кто к нему прикоснется.

Странная мысль, разве я имею на него какие-то права?

Тем временем Тайхан привёл нашу лошадку и отправился за второй. Я прислонилась к стене, ожидая. И мое терпение было удовлетворенно в высшей степени! Стоило вороной заржать, как из камерки послышалось шебуршание, и через пару мгновений оттуда выскочил полуголый Кейташи. Невольно я залюбовалась длинной сухощавой фигурой, широкими плечами и золотистой кожей. Красив, как и все ильхонцы, ничего особенного... но... много ли я видела обнаженных ильхонцев?

– Цийлин! – Кейташи просто сиял, обнимая лошадь. – Откуда? – оглянувшись на Тая и спросил со смехом: – Сколько отдал?

– Восемьсот.

– Ха! Она стоит втрое дороже! В ней кровь легендарных кирин (*демоническая лошадь-дракон), пара капель, но все же! Видел бы ты, как она ходит в тумане...

– Итак, Кейташи Кио, что вы забыли в моем саду? – обратила я на себя его внимание. Во всем Ильхонне на «вы» было принято обращаться только к членам Императорского рода. Ну и дети, разумеется, старших обязаны были почитать. Взрослые же люди все были равны.

Он оторвался от лошади, бросил на меня острый взгляд и вдруг замер. Уже медленно и пристально оглядел меня с ног до головы. Я немедленно заволновалась. Целый день в разъездах! И волосы растрепались, и белая блузка далеко уже не белая, и лицо уставшее. Наверное, убеждается, что я не фэйри. Те всегда выглядят идеально. Надо было хотя бы умыться перед тем, как приходить.

– Во мне что-то не так? Я испачкалась?

– Нет, ты... прекрасна как всегда. И я не могу пока рассказать, что я делал в твоём саду. Я и сам этого ещё не знаю. Но прошу позволить мне остаться здесь ещё на какое-то время. Пока не решу, как быть дальше.

Некоторое время мы просто стояли и глядели друг другу в глаза. Его взгляд странно мерцал при свете фонаря.

– Вы ужинали? – наконец, отвернулась я.

– Ты. Здесь я просто Кейташи. Кей. Я ужинал, мне эта девушка Норизэ принесла поесть.

– Что ж, просто Кей. Я вижу, ты уже ожил. Не пора ли, в таком случае, освободить каморку моего сына?

– Матушка, что ты говоришь! – возмутился Тайхан. – Все в порядке, лей Кио...

– Она права, Тай. Я прекрасно размещусь в стойле рядом с Цийлин. Мне так даже будет спокойнее. И никого не стесню. Раны меня почти не беспокоят, а твоя постель, прости, жесткая, как голые доски.

– Ну уж не императорская опочивальня, – по-звериному фыркнул Тайхан, зевая. – Матушка, ты сегодня в конюшне ночуешь? Или все же пойдёшь к себе?

Снова я поймала острый злой взгляд Кейташи. Сейчас-то что Светлоликому не нравится? Мое присутствие? Так я тут хозяйка, где хочу, там и хожу.

– Лей Кейташи, я жду тебя завтра после завтрака в саду. Будем разговаривать.

– Звучит тревожно.

– Не менее тревожно, чем имя твоего рода.

Он только усмехнулся, расправив плечи. Заметил мой взгляд и красовался, словно павлин. Но на него и вправду было приятно поглядеть.

Я вышла, напомнив Тайхану разгрузить повозку, и направилась напрямик в баню, чтобы смыть пот и усталость непростого дня. Там горел свет, значит – кто-то уже был. Мне нравился ильхонский обычай принимать ванну без обнажения, в тонкой шелковой сорочке. Несмотря на то, что я давно покинула родину, вбитые в приюте понятия о целомудрии и скромности все ещё давали о себе знать. Раздевалась догола я только в одиночестве или при дочери, если последнего нельзя было избежать.

– Матушка, ты вернулась, – поприветствовала меня Мэйгут, расслабленно лежащая на лавке. – Ираки говорит, что вы купили новые грести? Что сейчас носят в Шейнаре?

Ираки, погружённая в одну из бочек, кивнула мне и замурила глаза блаженно. К моему удовольствию, она была в сорочке. Впрочем, не потому, что стеснялась, а лишь скрывая вечные синяки и ссадины, которые неизбежно появляются на теле, если ты изо дня в день занимаешься военными искусствами. Мэйгут же была обнажена, лишь прикрыта простыней.

Я сняла одежду за ширмой, накинула шелковую белоснежную сорочку до колена, поднялась по небольшой лесенке и шагнула в купель. Горячая вода с запахом цветов охватила меня со всех сторон, поглаживая и крепко обнимая. Сразу стало жарко, заколотилось сердце, на висках выступили капли пота.

– Мэй, поможешь потом вымыть голову?

– Конечно, матушка. Так что там в Шейнаре?

– О, теперь носят халаты темных цветов с крупной вышивкой. Я видела птиц, бабочек, цветы и даже тигра. Красиво. И очень подойдёт для нашей школы. Купила темного шелка, много ниток, наймём лучших вышивальщиц, и на день выпуска наши ученицы будут блистать.

В этом году двадцать исполнится троим девочкам, Косай, Еранум и Танпо. Ирис, герань и одуванчик. Как это будет красиво: чёрный шёлк, расшитый одуванчиками, темно-ли-

ловый – ирисами и изумрудный – кружевными листьями и крупными соцветиями герани.

– Тогда тебе надо с птицами. Журавлями, или, может быть, ласточками. В честь уважения к Императорской семье.

На Императорском гербе нарисован чёрный дрозд. Отчего так, никто не помнит уже. Но вообще род Кио считается покровителем всех без исключения птиц. Разумеется, вышить чёрного дрозда на чёрном шелке – это немыслимая дерзость, а жаль. Я уже представила, как изысканно, но в то же время скромно смотрелось бы подобное.

Какое-то время мы разговаривали о нарядах и украшениях, и Ираки даже участвовала в беседе, что, несомненно, пошло ей на пользу. А потом ученица, завернувшись в простыню, ускользнула из бани, оставив нас с дочерью наедине. И все изменилось. Повисла неловкая тишина.

– Давай я полью на волосы? Самой тебе их вымыть сложно, слишком вьются.

Я согласилась. Да, вьются. После мытья их нужно будет заплести в тугие косы, а если этого не сделать, наутро уложить их может только щипцами.

– Жаль, что мои волосы не такие, – неожиданно пробормотала Мэйгут. – Я бы хотела кудряшки.

– У тебя просто великолепные волосы, – возразила я.

– Слишком. Мне не нравится моя внешность. Как картинка. Женщина не должна быть идеальной, ей нужен какой-то изъян, и тогда ее будут любить не только «за», но и «вопре-

ки». Ах, если бы у меня были веснушки или кудряшки, тогда я не была бы похожа на фарфоровую куклу!

– Милая, но ты самый красивый человек, которого я знаю!

– С одним лишь недостатком: я не человек, – сердито ответила Мэй.

– Вот видишь, и ты не идеальна, – хихикнула я, заматывая волосы полотенцем. – Есть и своё «вопреки». А вообще слабые и трусливые мужчины тебе и не нужны, ты их разжужеешь и выплюнешь. Рядом с тобой может быть только очень сильный. Его очень непросто найти.

– И поэтому ты растишь из меня куртизанку, – неожиданно горько сказала дочь. – Видимо, для того, чтобы я могла выбрать...

– Мэйгут!

Но девушка уже не слушала. Она подхватила свой шелковый халат и выбежала из бани. Я потерянно огляделась, закуталась в простыню и выскочила за ней в ночной сад. Красота вокруг просто ошеломляла. В бархатно-чёрном небе бриллиантами переливались крупные звёзды. Томно шелестели темные ветви кустов. Оглушительно трещали цикады. А аромат стоял такой, что у меня закружилась голова и я вдруг забыла, зачем вышла. Почему я раньше не видела всего этого? Раньше сад был просто садом, розы – цветами, и недешевыми, а звезды лишь проводником в безлунную ночь.

Очнувшись, я тряхнула головой. Полотенце с волос упало, и копна влажных мелких кудряшек рассыпалась по голым

плечам. Мэйгут нигде не было видно, наверное, она уже в нашей спальне. И чего я, дура, испугалась?

– Ты все же решила соблазнить меня, лея? – раздался вдруг из темноты тихий мужской голос. – Я думал, ты никогда на такое не решишься.

Я подскочила от неожиданности, едва не потеряв простыню, к счастью, ещё визг удержала. На лавочке, скрываясь в кустах, сидел Кейташи.

– Ты что тут делаешь? – прошипела гневно, радуясь, что темнота скрывает пылающие щеки.

– Любуюсь соблазнами ночи, – усмехнулся он. – Сначала одна рыжая пролетела мимо, показав очаровательные ножки. А потом вторая продемонстрировала другие прелести, ничем не хуже. Мне нравится, продолжай.

Я прищурилась. Интересно, что сделает этот наглец, если я вдруг случайно потеряю простыню? Вряд ли это его смутит. Он же Кио, поди, доступных женщин во дворце у него было видимо-невидимо.

– О чем задумалась, ночная фея? Ищешь ответ поядовитее? Напрасно, я не желал тебя обидеть.

– Думаю, был ли у тебя гарем во дворце, лей Кейташи, – насмешливо ответила я. Зрение мое уже привыкло к темноте, и я видела его вполне отчетливо. Мужчина явно не ожидал такого ответа. Его золотистые глаза округлились.

– Не было, лея Мальва. Во-первых, я не женат. А во-вторых, гаремы запрещены в Ильхонне. Даже для император-

ского рода. Я бы сказал, особенно для императорского рода. Нас воспитывали в строгости.

– Ай, какая жалость! Какая потеря для придворных дев! Тяжело же тебе придётся в браке.

Кей вдруг поднялся с лавки и шагнул ко мне. Я и не думала, что он такой высокий. Обычно он или лежал, или сидел, или просто был... далеко от меня.

– Желаете проверить мои постельные умения, лея Мальва? – свистящим шепотом спросил он. – Уверен, не разочарую.

– Предпочитаю поверить на слово, – струсила я, делая шаг назад и судорожно цепляясь за съезжающую простыню. – И вообще, уже ночь. Ночью по саду гулять запрещено!

– А ты что делаешь тогда?

– Иду домой из бани, разве не видно?

– Интересные у вас тут обычаи... все ходят домой полуобнаженными, или мне просто повезло?

– Если я увижу, что ты тут подглядываешь за моими ученицами... – рассвирепела вдруг я.

– Ни за что! – пылко воскликнул Кей, поднимая руки ладонями вперёд и отступая на шаг. – Я не самоубийца! И вообще, пора мне в конюшню. Теперь-то я точно засну, и сны мне будут сниться самые сладкие.

Ругаясь самыми непотребными словами на родном языке, я вернулась в баню. Накинула халат, надела сандалии, потушила огонь и погасила фонари. Нет, каков наглец! Сны ему

сниться будут! Как это непристойно! И почему у меня от этой мысли по животу бегут мурашки и вздрагивают руки?

Мэйгут крепко спала, когда я вернулась. Я же долго ворочалась, зачем-то представляя, какие такие сны могут сниться Кейташи Кио.

12. Кто опаснее

Утром, еще до завтрака, я выглянула в сад. Мне хотелось понять, так ли он прекрасен, как показалось ночью. Или... надо же, я начала врать сама себе. На самом деле мне было любопытно, будет ли Кейташи подглядывать за гимнастикой учениц. Он ведь мужчина, а они все молоды и совершенно очаровательны.

Ни с кустов, ни на лавке я его не увидела и, довольная, прошла в закрытую часть сада. Хм, возможно, он просто еще не проснулся? Кто их, принцев, знает...

Мое умиротворение было безобразно нарушено леей Нориз. На этот раз она рыдала и порывалась целовать мне руки.

– Лея Мальва, мне пришло письмо от соседей матушки!

– Вот и славно, а ты переживала.

– Да! Нет! Матушка сильно больна, дозвожь мне...

– Мы это уже обсуждали, лея Нориз. У меня только один учитель математики. Если закон может пару недель преподавать лея Ши, то математику некому. Я никак не могу дать тебе отпуск.

– Полно, отпусти девочку, – раздался со скамейки ненавистный уже голос. Вот откуда он опять тут взялся? Клянусь, минуту назад я сидела на этой лавке, и там никого не было! – Хочешь, я могу вести уроки математики. Ничего сложного.

– Не лезь, куда не просили, – резко ответила я. – Дела

школы тебя не касаются!

– Родители – это святое, лея Мальва, разве ты так не считаешь? Где твоя мать живет, лея?

– На Восточном острове, лей, – в голосе Норизэ слышится надежда, и я ненавижу ее за это.

– Три дня, чтобы добраться. День собрать вещи. И неделя, чтобы перевезти мать в Шейнар. Не так уж и долго.

– Что значит «перевезти мать в Шейнар»? – удивилась я. – Зачем?

– Чтобы впредь та не оказалась в такой неприятной ситуации. Продаст имущество, снимет здесь домик или комнату...

Норизэ покраснела и заморгала. Все это явно не входило в ее планы.

– Там... нечего и продавать. Мы жили очень бедно. Я хотела заработать и потом, уже позже, подумать над маминым переездом...

– Понимаю. А здесь, в Дивном Саду, места для одинокой женщины не найдётся?

Это было уже совершенно невыносимо! Какое право этот нахал имел распоряжаться в моем доме? Я разозлилась невыносимо.

– Лея Норизэ, у вас есть две недели, чтобы решить свои проблемы. В ваше отсутствие математику у младших учениц будет вести лей Кейташи. Найдите лею Ши и скажите, что я велела выдать вам жалованье за последний месяц, уверена, пригодится. И имейте в виду, отпуск неоплачиваемый!

– Лея Мальва, ты святая! – молодая женщина все же как-то ухитрилась поцеловать мне руку, а потом умчалась прочь. Я брезгливо вытерла кисть о юбку и с ненавистью поглядела на Кейташи.

– Еще раз ты вступишь в дела школы... Клянусь, я тебя уничтожу!

– И что ты мне сделаешь, хозяйка? – Кей надо мной откровенно смеялся, хотя лицо его было невозмутимо. – Я мужчина, воин. Ты даже убить меня не сможешь, потому что я сильнее.

– Яд, – коротко напомнила я.

Он задумался на мгновение и приподнял уголки губ в улыбке. Очевидно, это должно было обозначать высшую степень веселья.

– Нет. У меня иммунитет к ядам, – наконец, сказал он. – Это секрет, но... не трать свои запасы, женщина.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Пойдём со мной на прогулку, и я покажу, как бесславно ты можешь погибнуть в моем саду.

– С радостью последую за тобой, Хозяйка.

Не знаю уж, о чем он подумал, но вид у Кейташи был крайне довольный. Видимо, ему казалось, что я зову его на свидание (ох, какое глупое слово, я уже совсем забыла его истинное значение!), или просто радовался возможности осмотреть закрытую для него часть сада. Я же точно знала, что если захочу, то ни один чужак живым мою обитель не покинет.

Мы медленно шли по извилистым, усыпанным каменной

крошкой тропинкам, любуясь пышно цветущими кустами и клумбами. Ну, то есть я любовалась, а что уж думал Кей... Впрочем, он казался человеком образованным, а в Ильхонне культ красоты. Не мог он не заметить всего великолепия и гармонии моего сада!

За одним из кустов я заметила краешек форменной синей юбки. Кто-то из младших учениц прогуливает занятия? Шагнула в шелковую траву, заглянула, с удивлением обнаружив там хромую Лейзи.

– Ты почему здесь, а не на уроках? И как ты ухитрилась заполнить красный пояс?

– Лея Мальва! Я... наказана. Опрокинула чернила на уроке каллиграфии, испачкала себя и соседку. А... – девочка замялась и опустила глаза, и я холодно велела ей продолжать. Тихо, почти неслышно она шепнула: – Дэйзэ сказала, что я не только кривоногая, но и криворукая. И я вылила ей на голову остатки чернил.

Я едва удержала неуместный смешок. Спору нет, за такое полагалось наказание. И Лейзи, и Дэйзэ.

– И что ты делаешь тут?

– Рисую. Иероглиф «спокойствие» я уже закончила, а потом хотела рисовать цветок, но нашла садовые ножницы и немного подстригла куст. Простите. Он кривой был очень.

Иероглиф «спокойствие», выведенный на листке тонкой рисовой бумаги, был, на мой взгляд, куда кривее, чем куст. Куст же имел форму идеального шара.

– Задание стоит переделать.

Я тронула Кея за рукав, кивнула ученице и степенно, как и полагалось даме моего статуса, поплыла по дорожке дальше.

Кто бы знал, сколько я училась этой неторопливой походке! В Ранолевсе все куда-то спешили, бежали, порой толкались локтями, да и в Ильхонне мужчины на улицах города позволяли себе быть быстрыми и резкими. Женщина же должна быть томной и изящной, как кошка, плавной, как летящий по ветру цветочный лепесток.

Кей некоторое время шёл позади, надеюсь – любуясь моей грацией, а потом догнал в два прыжка.

– Забавная девчушка, – сказал он мне. Я покосилась удивленно: никто никогда не смел обсуждать при мне ни учениц, ни учебу. Но Кей, видимо, запросто нарушал правила. – Правильно она и сделала, что...

– Нет, – мягко остановила я его. – На слова нужно учиться отвечать словами, а не действиями. Слово может ударить куда сильнее, чем ладонь. Но, безусловно, я довольна уже тем, что Лейзи смогла постоять за себя. Для неё это большой шаг вперёд.

– А правду говорят, что в школу берут только талантливых красавиц, да ещё за огромные деньги?

– Да, правда, – усмехнулась я, вспомнив самый первый свой выпуск. Видел бы он Гойренн!

– Тогда зачем ты взяла эту хромоногую?

Я подумала и ответила правду:

– Ей тоже хотелось жить. Лучше тут в служанках, чем ее по-тихому придушили бы дома.

– Всех не спасёшь.

– Да.

Сам того не зная, он затронул болезненную для меня тему. Это сейчас у школы была матушка Ши, которая жестко и бескомпромиссно отказывала всем негодным, а скоро мне придётся это делать самой. Смогу ли?

Хорошо, что мы уже дошли до ограды, что отделяла сад от леса, и я не сказала этому неприятному человеку ничего личного.

В каменной стене была крошечная, укрытая кустами ка-литка. Я толкнула ее и, пригнувшись, вышла из сада. Кейта-ши замешкался.

– Это что, любой может так выйти? – недоверчиво спросил он. – Просто взять и уйти в лес?

– Конечно, нет. Дверь зачарована. Открыть ее могу только я и ещё пара человек.

– А я могу?

– Нет.

– То есть, если тебя сожрет в лесу екай, мне самому не вернуться?

– Именно так. Но ты не переживай, у нас нет екаев.

– Тогда зачем ты меня сюда привела?

– Познакомить кое с кем.

В дальний лес я давно уже не рисковала углубляться, пол-

ностью оставив его Рене. Кто знает, какие твари там водились! Как-то разлюбила я фэйри после достопамятной встречи с Гарманионом. И с Рене мы теперь встречались на красивой полянке совсем рядом с калиткой. Там стоял для меня удобный камень, можно было присесть, что я и сделала.

– Здравствуй, Рене, погляди, кого я привела!

Спустя пару мгновений на поляне появилась моя подруга. В этот раз – совершенно голая. И с ногами.

Кей уставился на неё во все глаза, и я его не могла осуждать. На такое красивое тело не грех и поглазеть. Да я и сама разглядывала ее с удивлением и завистью.

– Хей-о-о-о, Мальва! – томно выдохнула Рене, прикасаясь тонкими пальцами к плечу застывшего Кея. Ох, знала я этот взгляд, знала! Вероятно, так же я смотрела на Гарманиона! Проклятые фэйри! – Какой подарок. Не ожидала! Великолепный! Заберу его к себе в озеро, уложу на дно песчаное, укутаю травой шелковой... любить буду... Спасибо!

И эта темная тварь вцепилась в плечи Кея, намереваясь забрать его прямо сейчас! Ну нет, я так не согласна! Я не для того его выхаживала, чтобы его сейчас утопили!

– погоди, Рене, – торопливо заговорила я, скидывая ладони русалки с его плеч. – Ты все не так поняла. Это мой мужчина. Я просто привела его показать!

И сама обняла этого оцепеневшего болвана, обвила рукой его шею, ладонь положила на грудь и заглянула в колдовские золотые глаза. Показалось ли мне, или его резные гу-

бы дрогнули? Мужская рука неуверенно легла мне на талию. Кей ожил, бросил быстрый взгляд в сторону надувшейся Рене и опустил глаза на мою вздымающуюся в волнении грудь. Кажется, он осознал, чем ему грозит эта нелепая ситуация.

– Я – ее мужчина, – быстро подтвердил он. – Познакомиться хотел... с подругой Мальвы.

– Фи, какая гадкая Мальва! – плаксиво протянула русалка. – Хвастается она! Мужика для подруги пожалела! Сокол мой, погляди на меня, я же ее красивее! Останься со мной, я дарю тебе вечную жизнь...

– Спасибо, у меня ещё дела... в столице там, в Ниххоне. Я, пожалуй, подожду/помедлю пока.

– Ай, сокол, улетишь и не вернёшься! Мальва, когда ты наиграешься, отдашь его?

– Когда наиграюсь, отдам, – буркнула я, злясь на себя за то, что мне очень нравилось стоять в его объятиях. – Я не жадная.

– Мяса сегодня не принесла, – грустно вздохнула русалка. – Ну и о чем с тобой разговаривать? Пойду я. До встречи, цветочек. Прощай, сокол.

Я облегченно выдохнула, радуясь, что Рене такая отходчивая. А могла бы нас обоих тут прикопать! Чем я только думала? Перевела взгляд на губы Кея и вспомнила, чем.

Мы стояли так близко, как никогда и ни с кем я не бывала. Его руки уверенно прижимали меня к себе. Мои пальцы лежали на его шее. Я запрокинула голову, заглядывая в гла-

за мужчины и вздрогнула. Они больше не были золотыми. Зрачок почернел и расширился, ноздри безупречного носа вздрагивали.

Я вытянулась струной, поднимаясь на носочки и тянясь к его рту, как цветок к солнцу. Ещё мгновение, и наши губы соприкоснутся!

Но в тот самый миг, когда я уже поймала его дыхание, Кей разомкнул объятия и сделал шаг назад.

– Благодарю за урок, Хозяйка. Я понял. Ты действительно можешь меня не просто убить, а сделать так, чтобы тело никогда не нашли. Многие ли мужчины сгинули в твоём лесу?

– Будешь болтать, станешь первым, – обиженно буркнула я и быстро пошла по тропинке к калитке. Про плавную и неспешную походку даже не вспомнила.

13. Песочный замок

Весь мой привычный, налаженный мир начал рассыпаться, как песочный замок. Подумать только, до появления в саду Кея я была уверена, что все делаю правильно. Что жизнь моя именно такая, о которой я мечтала.

Теперь я сомневалась во всем. Мэйгут, оказывается, имеет какие-то свои мысли о будущем. Почему же она всегда со мной соглашалась? Ни разу не возразила, наоборот, я думала, она довольна своими перспективами. Охотно училась, с удовольствием танцевала в чайных домах, зная, что зрители-мужчины оценивают ее и ждут, когда сей плод созреет. На самом деле у меня уже был целый список желающих получить ее благосклонность.

Нет, на всех этих людей мне плевать, я охотно сожгу бумаги в печке. Пусть ищут себе другое развлечение. И даже на репутацию плевать, если Мэй будет моей неудачей, это неважно. Главное, чтобы она была счастлива.

Кажется, пришло время остановиться и подумать, все ли я делаю правильно. Двадцать лет моей целью было вырастить и выучить воспитанниц так, чтобы они были успешны, богаты и почитаемы. А ведь это не главное в жизни. Богатство не сделает тебя счастливой, хотя, несомненно, будет очень стараться. А банковские чеки не вытрут слёзы и не обнимут. Ситуация с Норизэ очень ясно это показала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.